

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей МОСКВИН

СКРЫТАЯ УГРОЗА

Сергей Москвин
Скрытая угроза

«ЭКСМО»

2005

Москвин С. Л.

Скрытая угроза / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2005

Арабские террористы сумели взломать секретные коды и отправить на российский подводный крейсер приказ: произвести боевой залп. Две ракеты с ядерными боеголовками ушли в сторону США. Офицер ФСБ, полковник Егоров пока не знает, чем кончится ядерная атака – он спускается в тоннель на окраине Москвы, где засели террористы. Все оперативные мероприятия позади, масштабная операция близится к развязке, и сейчас полковник на острие атаки. Впереди – конкретная схватка с врагом, поставившим мир на грань ядерной катастрофы... Роман издавался под названием «Кибератака».

© Москвин С. Л., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Москвин

Скрытая угроза

Глава 1

СКРЫТАЯ УГРОЗА

Представительский белый «Линкольн» величественно катил по улицам Бейрута. Он свернул с трассы, соединяющей город с международным аэропортом, и выехал на центральную улицу. Здесь располагались самые дорогие отели, казино, магазины и рестораны. Местные жители, а также многочисленные туристы из Европы, Америки, Ближнего и Дальнего Востока, съезжающиеся в Бейрут на время рождественских праздников, привыкли к виду дорогих автомобилей, заполняющих улицы ливанской столицы. Но шикарный лимузин, переливающийся на солнце отполированными до зеркального блеска белоснежными бортами, тем не менее привлекал к себе всеобщее внимание. На него оборачивались пешеходы, а водители и пассажиры встречных машин провожали пристальными взглядами. При этом на лицах женщин появлялись грустные или мечтательные улыбки, мужчины же в большинстве своем хмурились и спешили переключить внимание своих спутниц на что-то другое. Но все без исключения старались разглядеть или угадать, кто находится в проплывающей мимо роскошной машине.

Сделать это было невозможно. Тонированные зеркальные стекла пропускали свет только в одном направлении. А двое пассажиров «Линкольна», расположившиеся на упругом кожаном диване, отделенном звуконепроницаемой перегородкой от водителя и монументального охранника, старательно скрывали себя от посторонних глаз. Они избегали светских приемов и раутов, не давали интервью на телевидении и в прессе и никогда не фотографировались для обложек глянцевого журналов, хотя многие папарацци заложили бы душу ради одной фотографии любого из них.

Старший из пассажиров – седой шестидесятипятилетний мужчина с изборожденным глубокими морщинами лицом, в таком же белом, как борта лимузина, одеянии арабского шейха – был одним из высших руководителей экстремистских исламских организаций, составляющих разветвленную сеть «Аль-Каиды». Миллионы одурманенных идеями ваххабизма религиозных фанатиков, видящих в «Аль-Каиде» силу, защищающую идеи ислама от разрушительного влияния западной цивилизации, знали его как святейшего шейха Абу Умара. Спецслужбам ведущих мировых держав он был известен как международный террорист, вдохновитель и непосредственный организатор сотен террористических актов, прогремевших в разное время по всему миру и унесших тысячи человеческих жизней.

По правую руку от Абу Умара сидел его старший сын Омар. В отличие от отца он был в светло-бежевом очень дорогом европейском костюме. Костюм дополняли рубашка из натурального шелка с высоким стоячим воротником, кожаные туфли, сшитые по заказу в обувной мастерской, где заказывает себе обувь американский президент, темные очки в усыпанной бриллиантами золотой оправе и изящные швейцарские часы от Патик Филипп – верх точности и совершенства. Последние десять из своих тридцати восьми лет Омар провел в Европе и США, поэтому европейская одежда ему была куда более привычна, чем национальная длиннополая рубаха с длинными рукавами и надеваемыми под нее широкими шароварами. Правда, совсем недавно он чуть было не сменил свой изысканный европейский костюм на арестантскую робу пожизненно осужденного заключенного, но у «Аль-Каиды» хватило возможностей добраться до тщательно охраняемых американским ФБР свидетелей выдвинутого против него обвинения и навсегда заткнуть им рты. Омар пытался вычеркнуть из памяти два месяца, прове-

денные по вине американцев в испанской тюрьме, но воспоминание было еще слишком свежо – всего неделю назад он обрел долгожданную свободу, – и забыть тюремные впечатления никак не удавалось.

Открыв дверцу встроенного бара, Омар выдвинул поднос с бутылкой виски, ведром колотого льда и двумя массивными стаканами. Бросив несколько кубиков льда в один из стаканов, он залил его янтарной жидкостью из высокой квадратной бутылки и вопросительно посмотрел на отца. Но тот отрицательно покачал головой и недовольно сказал:

– Нам предстоит серьезная встреча. Не следует являться туда в пьяном виде... К тому же Аллах запрещает своим воинам пить вино, – добавил Абу Умар после секундной паузы.

Омар усмехнулся. В запрете на употребление вина Аллах не делает различий между своими воинами и простыми мусульманами. До того как перебраться в Европу, Омар окончил знаменитый исламский университет Умм аль-Кура в Мекке и мог цитировать Коран не хуже отца. И если уж быть точным, запрет касается именно вина, насчет прочих напитков в Коране ничего не сказано.

Не обращая внимания на недовольство отца, Омар отхлебнул из стакана большой глоток.

– Мне нужно снять стресс. В конце концов, я имею на это право. Никто из членов совета, подобно мне, не оказывался в подвешенном состоянии между жизнью и медленной смертью в американской тюрьме.

– А ты не задумывался, каких усилий и денег стоила организации твоя свобода? – раздраженно спросил Абу Умар.

Двухсантиметровое стекло внутренней перегородки надежно защищало их разговор от ушей водителя и охранника, поэтому Абу Умар мог позволить себе повысить голос. Омар, уверенный в своей правоте, и вовсе не считал необходимым что-либо скрывать.

– По-моему, я это заслужил, – взглянув в глаза отцу, твердо ответил он. – Если бы не мои хакеры, подвесившие систему оповещения американской авиадиспетчерской службы, еще неизвестно, удалась бы воздушная атака Нью-Йорка и Вашингтона.

– Никто не умаляет твоих заслуг, – прежним размеренным тоном сказал Абу Умар. – Твое приглашение на сегодняшний совет – наглядное тому подтверждение. Но, позволив врагу добраться до конечных исполнителей, ты совершил ошибку. Серьезную ошибку, которая осложнила твою жизнь и принесла дополнительные проблемы организации.

– Осложнила жизнь?! – с вызовом переспросил Омар. – Да американцы собирались упрятать меня за решетку до конца дней, а то и вовсе могли посадить на электрический стул! Они даже прислали в Испанию своего фэбээровца, чтобы он отвез меня в Штаты! И это ты называешь «осложнением»?! Ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить за эти два месяца в испанской тюрьме, когда адвокаты, разведя руками, дружно заявили, что ничего не могут сделать?!

– Это послужит тебе хорошим уроком на будущее и предостережет от последующих ошибок, – с улыбкой прервал Абу Умар тираду сына. – Надеюсь, ты извлечешь для себя выводы из всего случившегося.

Омар залпом допил виски и отвернулся к окну. Там проплывали названия ведущих европейских и азиатских брендов: «Гуччи», «Черутти», «Калвин Кляйн», «Бали», «Картье», «Бушерон», «Ван Клиф»... – лимузин пересекал квартал, где располагались самые престижные магазины... Выводы. Он сделал выводы: не оставлять свидетелей и держаться как можно дальше от места проведения акции – эпоха информационных технологий позволяет руководить исполнителями, находясь за тысячи километров от них. Но главный вывод он сделал задолго до того, как испанская полиция по приказу американцев швырнула его в тюрьму. Личное оскорбление, как и адресованная лично угроза, должны смываться кровью врага. И неважно, что враг олицетворяет собой целое государство. Возглавляемая отцом и его соратниками организация сильна именно тем, что способна противостоять более сильному, могу-

щественному и вооруженному врагу, каким является Запад во главе с США. Значит, в самое ближайшее время Америка ощутит на себе мощь новых, еще более сокрушительных ударов.

«Линкольн» свернул с оживленной улицы на подъездную дорогу, ведущую к отелю «Марриотт», и, миновав короткую пальмовую аллею, остановился перед мраморными ступенями центрального входа, напротив бьющего днем и ночью фонтана, на основании которого золотыми буквами было выведено название отеля. К лимузину мгновенно ринулся дежурный портье, но сидящий рядом с водителем телохранитель опередил его. Выпрыгнув из машины, он оттеснил служащего отеля своим могучим торсом и сам распахнул автомобильную дверь перед хозяином. Абу Умар неспешно выбрался из лимузина и, не обращая внимания на подобострастно улыбающихся ему портье и носильщиков, вошел в распахнувшиеся перед ним стеклянные двери. Омар подождал, когда замешкавшийся портье откроет дверь с его стороны, пружинисто вынырнул из салона и, подражая размеренной походке отца, направился следом за ним.

Оставшийся у машины портье проводил гостей почтительным взглядом, решив, что на открывающуюся сегодня в отеле исламскую конференцию прибыл очередной богатый араб со своим секретарем. За год в «Марриотте» проходило более десятка всевозможных совещаний, бизнес-семинаров и конференций – фешенебельный отель и его удобные, оборудованные всем необходимым конференц-залы пользовались неизменной популярностью как у европейской, так и ближневосточной политической и бизнес-элиты. Но даже опытный портье, прослуживший в отеле не один год, был бы шокирован, узнав, что на этот раз «Марриотт» выбрали местом проведения своего совещания руководители «Аль-Каиды».

Абу Умар вошел в просторный, выложенный мраморными плитами вестибюль и, замедлив шаг, внимательно огляделся. Опытный глаз тут же выделил среди сидящих в креслах и праздно разгуливающих постояльцев шестерых крепких мужчин, примерно одного роста и возраста, расположившихся в разных концах вестибюля. Люди Аббаса. Сам Мухтада Аббас, невысокий плотный мужчина с короткой шеей и массивной головой, покоящейся на широких мускулистых плечах, заметив вошедшего в вестибюль Абу Умара, стремительно поднялся и поспешил ему навстречу. Являясь давним членом организации, Аббас прослужил более двадцати лет в службе безопасности Саудовской Аравии, поэтому не было ничего удивительного, что в «Аль-Каиде» он возглавлял внутреннюю контрразведку. Именно он и его люди обеспечивали безопасность лидеров организации на предстоящем совещании. Аббас знал в лицо всех участников совещания, что позволяло обойтись без паролей, пропусков, рекомендательных писем и прочих регистрационных документов, которые, несмотря на секретность и сложность изготовления, могли быть легко подделаны врагом, стремящимся проникнуть в планы организации.

Абу Умар и подошедший к нему Аббас обменялись традиционным приветствием. Аббас, коснувшись щекой щеки Абу Умара, сообщил:

– Все уже собрались. Начало по плану через два часа. Если желаете отдохнуть с дороги, для вас приготовлен номер на восьмом этаже. Там дежурят мои люди, они вас проводят.

– Не будем терять времени, – остановил Абу Умар начальника контрразведки. – Если все члены совета собрались, начнем прямо сейчас.

Аббас почтительно кивнул. По его знаку рядом тут же появился один из дежурящих в вестибюле охранников.

– Проводи гостей в конференц-зал, – приказал ему Аббас.

– Прошу вас следовать за мной, – охранник развернулся и направился к лифтам. Абу Умар и Омар последовали за ним.

В коридоре, ведущем к конференц-залу, они встретили еще четверых охранников Аббаса. Абу Умар не сомневался, что еще не менее десятка человек дежурят снаружи. Организация всегда уделяла первостепенное значение обеспечению безопасности своих лидеров,

благодаря чему ни израильский «Моссад», преуспевший в уничтожении руководителей палестинских террористических организаций, ни американские спецслужбы, буквально доставившие из-под земли бывшего иракского президента, не могли похвастаться аналогичными успехами в отношении лидеров «Аль-Каиды».

Вскоре после прихода Абу Умара и Омара в конференц-зале стали собираться и другие участники совещания: лидеры региональных подразделений «Аль-Каиды» и руководители основных направлений ее деятельности, образующие совет организации. Именно их решения заставляли тысячи боевиков в Ираке, Афганистане, Чечне, Турции, Судане, Индии, Индонезии и других странах братья за оружие, надевать «пояса шахидов», набивать взрывчаткой автомобили, захватывать заложников, обстреливать полицейские и военные патрули, взрывать торговые центры, жилые дома, пассажирские поезда и самолеты, а миллионы мирных жителей трепетать от ужаса. На правах идейного вдохновителя объявленного «Аль-Каидой» всемирного джихада против Запада и США и старейшего члена совета Абу Умар занял место во главе стола. Остальные участники совещания в зависимости от ранга и занимаемого в организации положения расположились по правую и левую руку от него. Место на противоположном конце стола осталось свободным, и Омар, недолго думая, уселся туда. Следовало с самого начала показать этим старцам, мнящим себя руководителями организации, что его появление здесь не случайно и уже не за горами момент, когда они точно так же будут трепетно слушать его, как сейчас внимают его отцу.

Прежде чем начать совещание, Абу Умар обвел всех присутствующих внимательным взглядом. Неподвижные фигуры, сосредоточенные лица, словно за столом собрались не живые люди, а восковые фигуры. Совершенно невозможно определить, что думает сейчас каждый из них. Правда, здороваясь с ним, каждый из членов совета обнял и расцеловал его. Но это ровным счетом ничего не значит. Поцелуи, объятия и радушные улыбки могут быть лишь средством скрыть припрятанный под одеждой кинжал. И если членам совета стала известна тайна, которую он тщательно скрывал от них без малого двадцать лет, то это заседание может стать для него последним. Его удавят прямо на месте, за этим столом. У «соратников» хватит опыта, чтобы сделать это своими руками. Им даже нет нужды обращаться за помощью к людям Аббаса. Аббас! Вот кто мог докопаться до истины. Но тогда он должен присутствовать на совете, а он остался снаружи...

Парализовавший волю страх медленно растаял. Дернув кадыком, Абу Умар проглотил подступивший к горлу комок и заговорил хорошо поставленным твердым голосом:

– Мы собрались здесь в канун христианского Рождества, чтобы обсудить стоящие перед организацией задачи и выработать план действий на ближайший год...

* * *

Охрану места проведения совещания лидеров «Аль-Каиды» несли два десятка боевиков из внутренней контрразведки Мухтады Аббаса. К тому же каждый участник совещания прибыл на встречу с несколькими своими телохранителями. Таким образом, общее число охранников оказалось сопоставимо с численностью охраны первых лиц государства. Боевики из внутреннего круга оцепления расположились у дверей основного и запасных выходов, в коридорах и на лестницах, надежно перекрыв все подступы к конференц-залу. Другая их часть, образующая внешний круг оцепления, окружила гостиничное крыло, где размещался конференц-зал, снаружи. Перед началом совещания группа технических специалистов проверила конференц-зал и смежные с ним помещения на наличие подслушивающих устройств, замаскированных видеокамер и других электронных закладок и, только убедившись в их отсутствии, доложила начальнику контрразведки «Аль-Каиды» о пригодности выбранного места для предстоящего совещания.

Но ни личные телохранители лидеров «Аль-Каиды», ни охранники Мухтады Аббаса, ни производившие проверку технические специалисты, ни сам начальник внутренней контрразведки не знали о причудах датской супружеской пары, въехавшей в отель накануне совещания руководителей террористической организации. Молодая супруга судостроительного инженера из Копенгагена оказалась на редкость капризной. Едва заселившись в отель, она заявила портю, что, выходя на балкон, мерзнет под порывами дующего с моря холодного ветра, и потребовала сменить предоставленный ей с мужем номер. При этом она добавила, что не может дышать выхлопными газами проносящихся под окнами автомобилей, а по ночам не желает слушать шум и музыку, доносящуюся из работающих допоздна гостиничных баров и ресторанов. Портю сочувственно взглянул на смущенно потупившегося супруга туристки, но пошел навстречу капризной иностранке. В результате датчане получили номер, выходящий окнами на крыло гостиничного комплекса, где располагался конференц-зал. Но если бы портю или горничная вопреки вывешенной на двери табличке «не беспокоить» сейчас заглянули бы в номер датчан, они были бы поражены произошедшей с капризными постояльцами переменой.

Молодая женщина, облачившись в плотно облегающий спортивный костюм и спрятав под капюшон туго стянутые на затылке волосы, ничуть не боясь замерзнуть, лежала на выложенном кафелем балконе. В руках она держала прибор, отдаленно напоминающий электродрель, соединяющийся проводом с надетыми на голову наушниками. Та часть прибора, куда у электродрели вставляется сверло, была выставлена в щель у ограждения балкона и направлена на одно из окон конференц-зала. От прибора к окну протянулся невидимый человеческим глазом лазерный луч, чутко улавливающий микроскопические колебания оконного стекла, вызванные акустическими волнами. Обработывающий изменение длины лазерного луча микропроцессорный блок вновь трансформировал эти изменения в человеческую речь.

– Абу Умар закончил свое вступление и предложил высказаться остальным, – по-русски обратилась «датчанка» к своему «супругу», примостившемуся рядом на корточках с длиннофокусным телеобъективом в руках.

– Я понял, – также по-русски ответил тот, отыскивая объективом следующего выступающего.

– ...Для масштабных акций необходимо мощное оружие. Имеющиеся в нашем распоряжении средства не позволяют достичь того эффекта, на который мы первоначально рассчитывали. Вспомните, когда наши братья ежедневно устраивали сразу несколько взрывов в Ираке, эти акции забывались уже на следующий день. К тому же добывать взрывчатку становится все труднее. А ведь ее еще нужно доставить к месту проведения акции, что зачастую связано с пересечением границы. С увеличением объема груза все эти трудности многократно возрастают. Но даже десятки начиненных взрывчаткой грузовиков не сравнятся с одной атомной бомбой. Поэтому я предлагаю возобновить работы по созданию ядерного оружия, свернутые после уничтожения американской авиацией нашего исследовательского ядерного центра.

Омар раздраженно сморщился. Его раздражение усиливалось после каждого очередного выступления. Слушая высказывания участников совещания, он все более убеждался, что убежденные седины члены совета, присвоившие себе абсолютную власть в организации, мыслят старыми, отживающими категориями. В их представлении нет ничего страшнее ядерной бомбы. Может быть, это и так. Но после того как американцы разнесли выстроенный стараниями отца в горах Афганистана исследовательский ядерный центр, работы по созданию ядерного оружия придется начинать практически с нуля. Изготовление ядерной бомбы займет годы кропотливого труда, а новое мощное оружие нужно организации уже сегодня.

Говоривший об атомной бомбе старец наконец замолчал. Воспользовавшись возникшей паузой, Омар стремительно поднялся с места.

– Разрешите?

Лица остальных участников совещания повернулись к нему. Сознательно затягивая момент всеобщего внимания, Омар отодвинул кресло и вышел из-за стола.

– Какую цель мы преследуем острыми акциями: заявить о себе, привлечь всеобщее внимание, добиться выполнения выдвинутых ранее требований, заставить врага отступить? Все это вторично! Главная цель – посеять у врага страх, вызвать панику в его рядах! Напугает ли Запад известие о наличии у нас атомной бомбы? Безусловно. Но это же известие заставит западные страны спешно разрабатывать меры противодействия атомной угрозе. Будут они эффективны или нет – это уже другой вопрос. Но то, что они осложнят наше положение, думаю, ни у кого из присутствующих не вызывает сомнения.

Сделав паузу, Омар обвел вопросительным взглядом сидящих за столом руководителей организации. Все они были весьма обеспеченными людьми. За исключением нескольких фанатиков, включенных в совет, чтобы при необходимости демонстрировать полуграмотной безумной толпе связь лидеров с рядовыми членами организации, все имели на Западе хорошо налаженный бизнес, приносящий стабильный доход. Бизнесом они управляли через своих доверенных лиц и созданных с их помощью подставных фирм. Поэтому воздушную атаку США 11 сентября 2001 года, ставшую самой масштабной акцией «Аль-Каиды», не все руководители организации оценивали однозначно. Те, кто в связи с этим понес прямой финансовый ущерб, относились к акции весьма отрицательно. Никто из членов совета не хотел новых финансовых проблем, поэтому последние слова Омара были встречены всеобщим вниманием.

Еще больший интерес заявление Омара вызвало у пары наблюдателей, следящих за встречами лидеров «Аль-Каиды» с балкона собственного номера.

– Кто это говорит? Я его не вижу, – обеспокоенно обратилась девушка к своему спутнику.

– Кто-то из сидящих с другой стороны стола, напротив Абу Умара, – ответил ей мужчина, напрасно поворачивая телеобъектив своей фотокамеры. – Никак не могу поймать, стена закрывает.

– Довольно молодой голос, – уточнила девушка.

– Молодой, – удивился ее напарник. – По нашим сведениям, в руководящем совете «Аль-Каиды» никого из молодых членов организации нет. Ты ведешь запись?

Взглянув на прозрачное окно кассетоприемника лазерного микрофона, где вращались катушки микрокассеты, девушка утвердительно кивнула.

– Кто же ты? – сам у себя спросил мужчина. – Ну, подойди поближе, чтобы я смог тебя заснять, – шепотом добавил он.

– ...Куда страшнее неявная угроза, – после эффектной паузы продолжал Омар. – Позвольте мне кое-что продемонстрировать. – Он подошел к другому столу, на котором стояла зачехленная проекционная установка, и взял пульт управления. – Индустриально развитое общество позволяет человеку видоизменять окружающий мир, подстраивая его под себя одним нажатием кнопки. – Омар нажал на одну из кнопок пульта. Под потолком конференц-зала мгновенно вспыхнули люминесцентные лампы. – Но представьте, что в привычном для западного человека мире что-то пошло не так.

Развернувшись в сторону широких окон конференц-зала, Омар нажал другую кнопку на своем пульте, и расположенные с наружной стороны стены рольставни медленно пошли вниз, закрывая оконные стекла. Омар дождался, когда жалюзи полностью опустятся, отрезав солнечный свет, и еще раз коснулся кнопок пульта – расположенные под потолком лампы дневного света сейчас же погасли. Помещение мгновенно погрузилось во мрак. Не ожидавшие такого оборота участники совещания растерянно молчали. Лишь слабый гул кондиционеров, закачивающих в зал свежий, ароматизированный воздух, нарушал установившуюся тишину. Омар направил пульт вверх – кондиционеры смолкли. Теперь тишина стала полной. Несмотря на то что в просторном помещении конференц-зала было достаточно воздуха, многим из сидящих за столом участников совещания стало трудно дышать. Кто-то глухо закашлялся.

– Послушай, Омар, что все это значит? – прозвучал в темноте встревоженный голос отца.

Улыбнувшись своим мыслям, Омар снова запустил кондиционеры. Когда ставни вновь пошли вверх, сидящие за столом участники совещания увидели темный силуэт Омара, стоящего на фоне открывающегося окна.

– Надеюсь, мое представление убедило вас, насколько все мы зависимы от различных систем жизнеобеспечения, – произнес он с торжествующей улыбкой, поигрывая пультом управления. – А теперь представьте, что испытает западный человек, привыкший к сытой, спокойной и обеспеченной жизни, разом лишившись всего того, что делает его жизнь такой спокойной и безопасной. А ведь то, что здесь сейчас произошло, – Омар, как указкой, обвел пультом помещение конференц-зала, – было всего лишь маленькой демонстрацией возможностей нового оружия. Оружия, которое способно обратить в панику жителей целой страны или даже всего континента, но которое пока недооценивается ни Западом, ни нами.

– И что это за оружие?! – нетерпеливо выкрикнул седой старик с изъеденным оспой лицом, призывавший возобновить работы по созданию ядерной бомбы.

– Информационное, – четко ответил Омар. – В так называемых развитых западных странах управление всех систем жизнеобеспечения компьютеризировано, что делает эти системы весьма уязвимыми для информационных и всех прочих кибератак. Поэтому основные усилия следует сосредоточить именно на разработке информационного оружия, которое значительно мобильнее, несравнимо дешевле и проще в разработке, а по результативности в ряде случаев эффективнее ядерного.

– Это в каких? – со скептической миной заметил сторонник изготовления атомной бомбы.

– Возьмем, к примеру, этот отель, – Омар повернулся к окну.

– Есть! – облегченно выдохнул наблюдатель на балконе жилого корпуса, поймав в видоискатель лицо обернувшегося террориста, и поспешно нажал спусковую кнопку своего фотоаппарата.

В момент срабатывания затвора фотоаппарат дрогнул в его руках, отразив упавший на объектив солнечный луч. Этот мимолетный отблеск приковал к себе внимание Омара.

Увидев солнечный блик на балконе шестого этажа расположенного в ста метрах жилого корпуса, Омар похолодел. Он был достаточно искушен, чтобы не верить в случайности и совпадения, вроде вынесенного хозяевами номера и забытого на балконе зеркала или повешенного на барьер дамского пояса с блестящей металлической пряжкой. Мысли, вихрем пронесшиеся в его голове, имели одну конкретную направленность. Бинобль... телеобъектив... оптический прицел! Омар отпрянул от окна и нырнул за стену.

– В соседнем корпусе снайпер! – вытаращив глаза на сидящих за столом участников совещания, поспешно выдохнул он. – На шестом этаже.

На балконе шестого этажа девушка с лазерным микрофоном встревоженно обернулась к напарнику:

– Он нас заметил.

Любой работавший на «холоде»¹ нелегал знает, что это значит. А старший и более опытный напарник молодой женщины не только знал, но однажды своими глазами видел труп провалившегося агента, с которого заживо содрали кожу и бросили умирать в пустыне. Это было пять лет назад... здесь, в окрестностях ливанской столицы. Сейчас ему и его молодой спутнице грозила та же страшная участь. Вряд ли собравшиеся на свое секретное совещание главарь террористов поступят с ними более гуманно.

– Сворачиваемся, – стараясь не выдать волнения, скомандовал мужчина. – Только быстро, пока они не опомнились.

---

¹ «Холод» – враждебное окружение разведчика-нелегала (проф. сленг).

По опыту он знал, что какое-то время застигнутый врасплох противник пребывает в растерянности. И, чтобы остаться в живых, следовало максимально использовать эту фору.

...В конференц-зале несколько секунд царила немая сцена. Почти все руководители «Аль-Каиды» имели за плечами опыт реальных схваток, когда все решали быстрота реакции, меткость выстрела, точность ножевого удара или сила пальцев, захвативших горло врага. Но эти схватки остались в далеком прошлом. Последние годы они только отдавали приказы, а всю черновую работу: захваты заложников, взрывы жилых домов, отелей и дискотек, правительственных зданий и военных казарм, обстрелы блокпостов и автоколонн осуществляли сотни и тысячи подчиненных им боевиков, которые, как правило, даже не знали, кто именно отдал приказ. Зато все без исключения лидеры «Аль-Каиды» знали, что делает с человеческим телом пуля 7,62 мм или большего калибра, выпущенная со ста метров из снайперской винтовки. Это знание заставляло их вжиматься в кресла и сводило судорогой разом одеревеневшие мышцы.

Омар первым овладел собой. Он нажал на кнопку, опускающую рольставни, и, не дожидаясь, когда полотно закроет оконные проемы, бросился к выходу. Распахнув двери, он выбежал в коридор, где едва не столкнулся с прохаживающимся возле дверей в ожидании вызова Мухтадой Аббасом.

– Снайпер! На балконе шестого этажа соседнего корпуса! – выпалил ему на бегу Омар. – Надо взять его, пока он не успел сбежать!

* * *

...Секунды таяли со стремительной быстротой, и мужчина мысленно подгонял свою напарницу, которая никак не могла зачехлить лазерный микрофон. Но вот наконец прибор оказался в чехле. Мужчина выхватил его из рук девушки и поспешно опустил в заранее приготовленную дорожную сумку, где уже лежал цифровой фотоаппарат с отсоединенным телеобъективом.

– Уходим, – наблюдатель вжикнул «молнией» и подтолкнул к выходу свою недостаточно расторопную напарницу.

Он открыл входную дверь и осторожно выглянул в коридор. Там никого не было. Пока не было. Мужчина вывел девушку за собой. Та сейчас же рванулась в сторону лифтов, но он удержал ее:

– Нет. Спустимся по запасной лестнице.

Вселившись в номер, он первым делом проверил дверь аварийного выхода, ведущую из коридора на запасную лестницу. Она оказалась не заперта – администрация отеля серьезно относилась к безопасности постояльцев. Наблюдатели стремительно дошли до конца коридора и, нырнув за дверь, скрылись на лестнице. На этот раз мужчина пропустил свою спутницу вперед и, закрывая за собой дверь, услышал вдалеке топот множества ног.

– Бежим, – он слегка подтолкнул девушку в спину.

Чувство опасности передалось ей, и, бросив на напарника испуганный взгляд, она устремилась вниз.

Через минуту наблюдатели были уже на первом этаже, они выбежали из отеля к парковочной площадке, где оставили взятый в прокатной фирме «Фиат». Напротив центрального входа стояли несколько представительских лимузинов, среди которых выделялся белоснежный «Линкольн». Возле лимузинов прохаживались шоферы характерной арабской внешности и телосложения борцов тяжелого и супертяжелого веса. Стараясь не привлекать к себе их внимания, мужчина и девушка быстро прошли к своей машине. Их появление не заинтересовало водителей лимузинов, но, когда «Фиат» выруливал с автостоянки, из центральных дверей отеля наружу выбежало еще несколько арабов во главе с одетым в европейский костюм участником совещания руководителей «Аль-Каиды», обнаружившим позицию наблюдателей. Он что-то

крикнул обернувшимся в его сторону водителям, и те сейчас же замахали руками в сторону отъехавшего от отеля «Фиата».

– Черт! – выругался сквозь зубы мужчина. – Все-таки засекли.

Его помощница встревоженно обернулась к нему:

– И что теперь?

– Будем отрываться, – как можно спокойнее ответил он, вдавливая педаль газа.

«Фиат» стремительно рванулся вперед. У машины оказалась хорошая динамика, и это несколько обнадежило водителя. Но стоило ему взглянуть в зеркало заднего вида, как тревога нахлынула с новой силой – с автостоянки перед отелем стремительно выезжали похожие на вытянутые капли два черных представительских «Мерседеса». Соперничать в скорости с западногерманскими автомобильными монстрами «Фиат» был не в состоянии. Оставалось надеяться на мастерство вождения и знание плана улиц ливанской столицы. Когда-то управляющий «Фиатом» мужчина специально практиковался в скоростной езде и с тех пор вроде бы не утратил форму. Со знанием места дело обстояло хуже. Прежде он был в Бейруте только один раз, причем пять лет назад, а в этот приезд у них вообще не было времени на изучение города.

Водитель до отказа втопил в пол педаль газа. Промчавшись по обсаженной пальмами подъездной дороге, «Фиат» вылетел на городскую магистраль. Три полосы в каждом направлении – это явно не та дорога, по которой следует отрываться от преследования. На широкой улице «Мерседесы» легко нагонят их малолитражку, обойдут и зажмут в клещи. Увидев узкий переулок, водитель резко вывернул руль и направил «Фиат» туда. Сидящую рядом девушку бросило прямо на него.

– Держись! – крикнул он ей, изо всех сил сжимая ставший неимоверно тугим руль.

Девушка обернулась.

– Они не отстают, – озабоченно заметила она.

Водитель не ответил. В зеркале заднего вида он отчетливо видел нагоняющий их головной «Мерседес». Правда, ширина переулочка не позволяла водителю «Мерседеса» обогнать преследуемую машину, но переулок когда-нибудь кончится, и тогда...

– Вот что, – не отрывая взгляда от дороги, сказал он. – Тебе придется прыгать. Сейчас я сверну за угол, заторможу, и ты прыгнешь. Только сразу, чтобы они не заметили. Достань карту памяти из фотоаппарата и свою кассету и приготовься.

Девушка испуганно обернулась к нему.

– А ты?

– Я уведу их за собой. Только ты спрячься, чтобы они тебя не заметили, и пробирайся в консульство. Здесь недалеко, всего несколько кварталов.

Мужчина старался говорить убедительно и спокойно. Но на этот раз его нарочитое спокойствие не подействовало на спутницу.

Девушка резко замотала головой.

– Я тебя не оставляю!

– Вероника, это приказ! – повысил голос мужчина. – Ты должна доставить в Центр добытые материалы. «И спастись», – мысленно добавил он.

– А ты?! – с болью в голосе сказала девушка.

– Я выберусь. Запутая их в кварталах старого города и оторвусь. В конце концов, брошу машину и уйду проходными дворами. Одному мне будет проще это сделать...

Он не договорил. Сзади раздалась серия глухих хлопков, и сейчас же заднее стекло «Фиата» перечеркнула строчка пулевых пробойн.

– Пригнись! – схватив свою спутницу за шею, мужчина резко наклонил ее голову к передней панели. – Готовься прыгать, пока не поздно! Черт! – снова выругался он. – Не думал, что они решатся открыть стрельбу в центре города... Ну! Ты готова?!

Вероника судорожно расстегнула сумку и, пошарив руками, извлекла из лазерного микрофона микрокассету с записью совещания лидеров «Аль-Каиды», а из фотоаппарата – карту памяти с их фотографиями. Сунув все это во внутренний карман своей спортивной курточки, она поспешно застегнула «молнию» и обернулась к спутнику.

– Готова!

Мужчина до предела увеличил скорость, стараясь сохранить отрыв от преследующего их машину головного «Мерседеса». Сзади снова захлопали выстрелы. Несколько пуль пролетели возле его головы, пробив лобовое стекло. Оно тоже покрылось паутиной трещин. Стараясь не отвлекаться на гремящие сзади выстрелы, водитель вел машину, отыскивая взглядом укромное место, куда можно будет свернуть. По обеим сторонам переулка тянулись стены домов. От них до бортов «Фиата» оставалось не более полуметра. «Мерседесы» должны были идти впритирку со стенами. К счастью, в переулке не было людей. Очевидно, их распугали выстрелы. Впереди появился просвет – переулок пересекала другая такая же узкая улочка.

– Вероника, соберись! – скомандовал мужчина согнувшейся на соседнем сиденье девушке.

Ударив по тормозам, он одновременно вывернул руль вправо. «Фиат» занесло и бросило в открывшийся между домами проезд. Машина ударилась левым бортом о кирпичную стену и по инерции прокатилась вперед.

– Прыгай!

Нагнувшись вбок, водитель «Фиата» дернул за ручку и сам распахнул пассажирскую дверь. Девушка кубарем выкатилась из машины и, больно ударившись коленом и локтями о булыжную мостовую, бросилась к туго набитым черным пластиковым мешкам у противоположной стены, нагроможденным друг на друга у заполненного доверху мусорного контейнера.

Нырнув за мусорную кучу, Вероника навалила на себя ближайший мешок и, затаив дыхание, притаилась под ним. Сердце бешено стучало. В нос бил тошнотворный запах протухшей рыбы, идущий из глубины мусорной кучи. Девушка попыталась дышать ртом, но это ничуть не помогло. Отвратительный запах буквально душил ее, выворачивая внутренности. Вероника попыталась достать из бокового кармана носовой платок – на практических занятиях курса выживания ей уже приходилось дышать через смоченный водой платок, при отсутствии воды рекомендовалось использовать собственную мочу, – но так и застыла. На бешеной скорости мимо пронеслись два тяжелых автомобиля. Девушка не увидела их, но отчетливо услышала натужный рев мощных двигателей, угрожающее шуршание шин о камни мостовой и почувствовала кожей лица движение воздуха, перемешанного с выхлопными газами.

То, что машины промчались мимо, не снижая скорости, свидетельствовало о том, что преследователи не заметили ее. Но едва Вероника подумала об этом, как ее охватила тревога за напарника, оставшегося один на один с террористами. Страхнув в сторону набитый мусором мешок, девушка выбралась из своего укрытия, но уже не увидела ни их «Фиата», ни умчавшихся следом «Мерседесов». Лишь в самом конце улочки висели клубы поднятой ими пыли. Вероника в отчаянии закусил нижнюю губу. В душе она прекрасно понимала, что ничем не могла помочь своему начальнику. Но от этого ей отнюдь не становилось легче.

...Гонка не могла продолжаться вечно. Сидящий за рулем «Фиата» человек прекрасно это понимал, как понимали и его преследователи. «Мерседесы» неотрывно висели на хвосте петляющего по городским улочкам «Фиата». Из «Мерседесов» больше не стреляли. И именно это обстоятельство больше всего беспокоило водителя «Фиата». Похоже, террористы решили взять его живым. Правда, оставалось неясным, как они собираются это сделать. Он получил ответ на свой вопрос, когда из бокового переулка наперерез его машине вывернул белый «Линкольн», который он видел возле отеля, и остановился, загородив дорогу. Путь назад тоже оказался отрезан. Сзади напирали «Мерседесы» преследователей. Террористы все-таки загнали его в капкан, из которого не было выхода. Он понял, что обречен. Одновременно с осознанием

этого факта он ощутил умиротворяющее спокойствие. По крайней мере он увел преследователей далеко от того места, где высадил Веронику, и теперь она сумеет добраться до консульства... Глядя на стремительно приближающийся ослепительно-белый борт «Линкольна», он до упора вдавил педаль газа. Разогнавшийся до предельной скорости «Фиат» врезался в борт лимузина. Лязг, грохот и треск сминающегося и рвущегося металла заглушили визг тормозов резко затормозивших «Мерседесов».

Из головного «Мерседеса» с «эрихоном» в руке выпрыгнул Омар. Размахивая пистолетом, он бросился к намертво сцепившимся «Фиату» и «Линкольну». От страшного удара у лимузина вмялась внутрь водительская дверь, выгнулись несущие стойки, уродливым пузырем вспучилась крыша. Но если «Линкольн» и после столкновения остался «Линкольном», то узнать «Фиат» в комке искореженного металла можно было лишь по чудом сохранившемуся фирменному знаку на смятой крышке багажника. С первого взгляда на этот ком рваного железа, бывший автомобилем, становилось ясно, что никто из находившихся в салоне «Фиата» в момент аварии выжить не мог. Омар все-таки заглянул в изуродованный салон. На водительском сиденье скрючился труп мужчины. Голова трупа свесилась на грудь, которая представляла собой сплошное кровавое месиво из человеческой плоти, обломков костей, кусков железа и тускло отблескивающих среди них осколков стекла. Но все это сейчас не имело значения. Главным было то, что в машине находился только мужской труп. Женщина, которую видели и запомнили телохранители участников совещания, когда эта парочка садилась в свою машину, бесследно исчезла. Сбежала! Очевидно, водитель высадил ее из машины до того, как его зажали в кольцо.

В бессильной ярости Омар топнул ногой и развернулся к сгрудившимся возле столкнувшихся машин боевикам Мухтады Аббаса.

– Вытащите из салона труп этого шакала и обыщите машину! – указав стволом пистолета на искореженный кузов «Фиата», приказал он.

– Как же мы его отсюда достанем? – недоуменно пожал плечами широкоплечий бородач.

– Мне все равно как! – отрывисто бросил Омар. – Клещами, домкратами, автогеном! Разрежьте всю машину на куски, но выясните, что было при себе у этих двоих! Когда закончите, найдите меня в отеле!

Отдав приказание, Омар направился к «Мерседесу».

* * *

Когда он вернулся в отель, Аббас со своими людьми все еще осматривал номер, откуда следили за совещанием руководителей организации сбежавшие из отеля шпионы. В коридоре, перед дверью номера, маячили двое боевиков Аббаса. Вид у них был мрачный. Оба понимали, что начальник контрразведки не оставит инцидент без последствий, и все виновные в том, что лазутчики врага подобрались к высшим руководителям организации, будут жестоко наказаны. Охранники не знали Омара в лицо, к тому же его европейский костюм ввел их в заблуждение. И когда Омар приблизился к номеру, один из них шагнул ему навстречу.

– Сюда нельзя! – Он вытянул руку, загораживая дорогу, но Омар резким ударом оттолкнул протянутую руку.

– Стань на место, ишак! – по-арабски выкрикнул он, пригвоздив взглядом охранника к стене.

На шум из дверей номера выглянул Аббас.

– Пропустите его, – увидев Омара, распорядился он, и охранники послушно расступились.

Презрительно хмыкнув, Омар вошел внутрь. Стандартный номер эконом-класса: единственная спальня, она же гостиная, с выходом на балкон, два кресла, кровать, журнальный и

письменный столы, шкаф-гардероб, мини-бар, телевизор. Развернуться в номере было практически негде. Очевидно, поэтому дежурный портье, которого обступили с двух сторон боевики Аббаса, испуганно жался к стене. Аббас как раз вел его допрос. Впустив в номер Омара, он сейчас же запер за ним дверь и, обернувшись к портье, задал ему следующий вопрос:

- Так когда, ты говоришь, они у вас поселились?
- Вчера утром, – поспешно выдал тот, но тут же поправился: – Вернее, ближе к обеду.
- И вы сразу дали им этот номер? – продолжал допрос Аббас.

Он не повышал голоса, но при каждом его вопросе портье испуганно втягивал голову в плечи.

– Н-нет, – запинаясь, пробормотал он. – Обычно мы расселяем туристов в номера с видом на море, но женщине предложенный номер чем-то не понравился, и они переехали в этот.

– Как долго они собирались здесь прожить?

– Я... – портье облизал пересохшие губы. – Я не знаю. Надо поинтересоваться на ресепшене.

– Мы уже поинтересовались – пять дней, – подсказал Аббасу один из охранников.

Аббас бросил на него уничтожающий взгляд и вновь повернулся к портье:

– Ладно. Пока ты свободен. Можешь идти. – Он подошел к двери и отпер ее. – Но если выяснится, что ты нам солгал, пеняй на себя, – напоследок предупредил он.

– Что вы, господин? Как можно? Все так и было, – портье боком выскользнул за дверь и припустил по коридору прочь от так напугавших его страшных людей.

Аббас проводил его пристальным взглядом, после чего снова запер дверь и, обращаясь к Омару, виновато сказал:

– Мы обыскали весь номер: ничего интересного. Немного одежды в шкафу, да умывальные принадлежности в ванной комнате. Очевидно, все улики, которые могли навести на след, они забрали с собой. В отеле зарегистрировались как прибывшие из Дании туристы. Но это ничего не значит. В действительности они могут быть кем угодно.

Пока начальник контрразведки высказывал свои соображения, Омар молча осматривал гостиничный номер. Заметив на прикроватной тумбе телевизионный пульт, он задумчиво повертел его в руках, потом направил на телевизор и нажал кнопку включения. Экран осветился, в правом верхнем углу появилось изображение единицы, а из телевизионных динамиков вырвалась русская речь. Омар усмехнулся левым углом рта и, обернувшись к Аббасу, указал пультом на экран:

– Они русские.

Аббас изумленно уставился на работающий телевизор, потом повернул голову к Омару. Он собирался что-то сказать, но не успел. Как раз в этот момент в дверь осторожно, но настойчиво постучали. Подскочив к двери, Аббас отпер замок и резким движением распахнул ее. На пороге стоял его боевик из числа тех, кто вместе с Омаром гнался за сбежавшими из отеля вражескими лазутчиками.

– Простите, хозяин, – боевик виновато наклонил голову и, отыскав взглядом Омара, протянул ему изодранную спортивную сумку, которую держал в руках. – Мы нашли это у них в машине. Там был фотоаппарат с мощным объективом. – Он запустил в сумку руку и достал оттуда сплюсненную с одного конца раздвижную трубу, в которой Омар с трудом узнал телеобъектив. – И еще вот это. – Порывшись в сумке, боевик достал оттуда исцарапанный металлический предмет, похожий на электродрель.

– Дай сюда, – Аббас буквально выхватил «электродрель» у него из рук и, осмотрев прибор со всех сторон, поднял на Омара встревоженный взгляд. – Это лазерный считыватель, снимающий информацию со стекол. Используется для прослушивания разговоров в закрытых помещениях. Причем, – он судорожно сглотнул, – российского производства.

Омар утвердительно кивнул:

– Что и требовалось доказать.

Аббас продолжал изучать прибор.

– Здесь имеется гнездо для микрокассеты, но... ее нет.

Подойдя ближе, Омар заглянул в принесенную боевиком сумку и вынул оттуда разбитый корпус цифрового фотоаппарата.

– Карта памяти тоже отсутствует. – Он бросил фотоаппарат обратно в сумку. – И той твари, которая была с разбившимся на машине шакалом, удалось уйти!

Последняя фраза прозвучала с угрозой, и Аббас это понял. Под пристальным взглядом Омара он низко опустил голову.

– Мухтада Аббас, я снимаю вас с должности начальника службы безопасности! – грозно произнес Омар. – За сегодняшний провал вам придется ответить по законам шариатского суда!

Омар отдавал себе отчет, что своим сегодняшним участием в заседании совета он лишь приблизился к руководителям организации, но еще не получил той абсолютной власти над тысячами боевиков «Аль-Каиды», какой обладает его отец и другие члены совета. Но то, что люди Аббаса внимательно слушают его, а сам, теперь уже бывший, начальник контрразведки не решается возражать, вселило в него уверенность.

– Уведите его! – скомандовал Омар стоящим у двери охранникам.

Двое боевиков безоговорочно подхватили под руки своего поникшего хозяина и вывели его из номера.

Глава 2

СТЕПЕНЬ ДОВЕРИЯ

Рабочий день официально закончился двадцать минут назад, но старший оперуполномоченный по особо важным делам ФСБ России полковник Егоров продолжал сидеть за столом, рисуя простым карандашом на лежащем перед ним листе бумаги замысловатые линии. Ему нравилось это занятие, которое он исподволь сравнивал с оперативной работой. Точно так же, как из карандашных штрихов постепенно начинал вырисовываться определенный узор, так и во время работы по делу разрозненные и поначалу мало что говорящие факты по мере их накопления образовывали цельную и законченную картину.

Егоров любил рисовать с детства: в пионерском возрасте активно участвовал в выпусках школьной стенгазеты, для души или по просьбе товарищей рисовал смешные дружеские шаржи, но никогда не относился к своему увлечению серьезно. Однако, когда он уже учился на третьем курсе Высшей школы КГБ, его рисунками заинтересовался преподаватель курса оперативной психологии. Он же и объяснил молодому слушателю, что любой портрет, и в том числе шарж, передает не только внешность человека, но и особенности его характера.

– Ты умеешь по внешним признакам распознавать характер человека и его наклонности. Это редкое качество. Развивай его. В будущем оно тебе пригодится, – сказал умудренный опытом преподаватель.

Егоров удивился:

– Вы говорите о теории Ломброзо? Но ведь она признана несостоятельной.

Преподаватель оперативной психологии усмехнулся:

– Мы имеем дело не с теориями, а с живыми людьми. Так что прислушайся к моим словам.

Егоров прислушался и вскоре убедился, что преподаватель оказался прав, а те рисунки, которые он в свободную минуту делал по его совету во время службы в Афганистане и позже, возвратившись в Москву, действительногодились ему в работе. Правда, большинство начальников скептически смотрело на это его увлечение, но их мнение уже не могло изменить отношение самого Егорова.

Сейчас его карандашный набросок трансформировался в портрет молодой женщины. Егоров нанес несколько завершающих штрихов, отложил карандаш в сторону и взял в руки готовый рисунок. Ирина. Он живет с ней уже полгода, семь месяцев, если быть более точным, – более чем достаточно, чтобы разобраться в собственных чувствах и понять, кем для него является Ирина. Дочь академика, ведущего специалиста советской ядерной программы, сконструировавшего вместе со своими коллегами ранцевый ядерный фугас, Ирина оказалась объектом покушения исламских террористов, стремившихся заполучить технологию создания ядерного оружия, и только благодаря своевременному вмешательству работавшего по делу Егорова и решительным действиям бойцов антитеррористического подразделения девушке удалось спастись. Тогда Ирине угрожала реальная опасность, и Егоров чувствовал свою ответственность за ее жизнь. Эти обстоятельства и сблизили их. Но сейчас, по прошествии семи месяцев, Егоров все чаще стал задумываться, насколько серьезны их чувства, родившиеся под влиянием опасности. Когда Ирине угрожали террористы, ей нужна была защита, и она видела в нем мужчину, который способен ее защитить. Полгода назад он действительно был нужен ей. А сейчас какой прок молодой двадцатичетырехлетней девушке от стареющего сорокадвухлетнего любовника, который лишь поздним вечером возвращается домой, а то и вовсе не приходит ночевать из-за своей работы? Пока Ирина стойко переносит его отлучки и еще ни разу не обнаружила своего недовольства. Но это пока. А что будет через месяц, через год? Бывшая жена, когда они жили

вместе, постоянно высказывала ему претензии за то, что практически не видит его. Ее упреки были во многом справедливы. Егоров чувствовал свою вину перед ней и теперь боялся сломать жизнь другой женщине.

Егоров снова взглянул на портрет. В конце концов, он должен принять какое-то решение. Ирина и сама хочет определенности. Нужно серьезно поговорить с ней. Причем сделать это быстрее, а иначе получается, что он просто пользуется расположением девушки. Егоров давно собирался это сделать, но всякий раз откладывал этот трудный для себя и для нее разговор.

Резкий звонок служебного телефона оборвал его мысли. Привычным движением Егоров снял трубку.

– Андрей Геннадьевич, зайдите ко мне, – услышал он голос начальника антитеррористического управления генерал-лейтенанта Локтионова.

То, что генерал обратился к нему на «вы», свидетельствовало, что в своем кабинете он находится не один.

– Слушаюсь, Олег Николаевич.

Егоров положил трубку и встал из-за стола. Потом улыбнулся Ириному портрету и убрал лист бумаги в верхний ящик письменного стола. Одернув пиджак и поправив узел галстука, – начальник управления ценил в своих подчиненных аккуратность, он вышел из кабинета.

В приемной адъютант Локтионова, один из немногих сотрудников управления по борьбе с терроризмом, постоянно носящий форму, вопросительно взглянул на Егорова и заинтересовался:

– Вы к товарищу генералу, Андрей Геннадьевич?

– Да.

Егоров внутренне расслабился. В случае срочных вызовов Локтионов заранее предупреждал своего адъютанта, и тот без промедления пропускал явившегося сотрудника в кабинет генерала. Сейчас он нажал кнопку на переговорном устройстве и коротко доложил:

– Товарищ генерал, к вам полковник Егоров.

Получив ответ, адъютант утвердительно кивнул и, подняв взгляд на Егорова, добавил:

– Проходите, Андрей Геннадьевич.

Егоров распахнул тугие дубовые двери генеральского кабинета, но, войдя внутрь, невольно остановился на пороге. Начальник управления действительно был в кабинете не один. За приставным столом, возле его рабочего стола, сидела молодая светловолосая женщина в коротком жакете и водолазке с высоким воротом, закрывающим ее шею до самого подбородка. При появлении Егорова женщина повернула к нему голову, и Андрей увидел небольшую припухлость на ее левой щеке.

– Знакомьтесь, Вероника, – обратился к женщине Локтионов. – Наш сотрудник, старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Егоров Андрей Геннадьевич, о котором я вам говорил.

А это, – генерал обернулся к Егорову, – наша коллега из Службы внешней разведки, старший лейтенант Вероника... – Локтионов осекся, забыв отчество своей гостьи, но та так и не пришла ему на помощь, и он закончил, опустив ее отчество: – Богданова.

Егоров удивился еще больше. Находящаяся в кабинете женщина совсем не походила на разведчицу. Впрочем, он тут же поймал себя на мысли, что никогда прежде в своей жизни не сталкивался с разведчицами, если не считать чеченских осведомительниц, которые под видом скитающихся беженцев собирали информацию о подразделениях и планах федеральных сил на Северном Кавказе и передавали эти сведения боевикам. Но этих пособников боевиков вряд ли можно было отнести к профессиональным разведчикам.

– Проходите, Андрей Геннадьевич. Присаживайтесь, – пригласил Локтионов.

Егоров подошел ближе и занял место по другую сторону приставного стола. Взглянув в лицо оказавшейся напротив него женщины, Егоров понял, что она даже моложе, чем он в

первый момент предположил: одного возраста с Ириной или немногим старше. У нее был правильный овал лица, тонкий прямой нос, искусно выщипанные брови и пронзительные голубые глаза. Девушка, бесспорно, была красивой, но сейчас это впечатление портила глубокая ссадина на левой щеке, которую она постаралась заретушировать тональным кремом. Заметив, куда устремлен взгляд Егорова, Вероника поспешно прикрыла травмированную щеку рукой, при этом рукав ее пиджака сдвинулся, обнажив еще одну ссадину, чуть ниже запястья. Увидев ссадину, Егоров внезапно понял, что и пиджак, и эта водолазка с воротником под подбородок призваны прикрыть другие шрамы на ее теле, и, чтобы не смущать девушку, поспешно отвел взгляд.

– Андрей Геннадьевич, – нарушил молчание Локтионов, – от Службы внешней разведки мы получили материалы о встрече руководителей «Аль-Каиды», проходившей неделю назад в Бейруте, в отеле «Марриотт». Весьма любопытные материалы. – С этими словами он протянул Егорову пачку фотографий. – Участники встречи.

– Члены политсовета «Аль-Каиды», – заметил Егоров, одну за другой выкладывая на стол просмотренные фотографии, однако ни генерал Локтионов, ни Вероника никак не отреагировали на его замечание.

Внезапно он остановился и недоуменно сдвинул брови. Снимок, который он держал в руках, запечатлел мужчину в светлом европейском костюме и темных очках, глядящего прямо в объектив фотокамеры, единственного человека в классическом, строгом костюме.

– Кто это? – непроизвольно вырвалось у Егорова.

– Один из участников встречи, – довольно резко ответила Вероника, впившись в фотографию холодным взглядом.

– Вы правильно обратили внимание, Андрей Геннадьевич, – кивнул головой Локтионов. – Такой субъект среди руководства «Аль-Каиды» нам еще не встречался. А теперь послушайте его заявление.

Повернувшись к своему настольному компьютеру, генерал проделал несколько манипуляций «мышью», и кабинет наполнила арабская речь, звучащая из подключенных к компьютеру акустических колонок:

– ...основные усилия следует сосредоточить именно на разработке информационного оружия, которое значительно мобильнее, несравнимо дешевле и проще в разработке, а по результативности в ряде случаев эффективнее ядерного...

Вероника сейчас же начала переводить ее на русский язык, но Локтионов жестом остановил девушку:

– Спасибо. В этом нет необходимости. Андрей Геннадьевич понимает по-арабски.

Бросив на Егорова недоверчивый взгляд, Вероника замолчала.

– ...В соседнем корпусе снайпер! – внезапно выкрикнул неизвестный оратор, после чего запись оборвалась.

– Снайпер? – удивился Егоров. – О чем это он?

– Он заметил объектив фотоаппарата и, видимо, решил, что это оптический прицел, – тихим голосом ответила Вероника. – Снимал мой начальник.

– Ваш начальник? – изумленно переспросил Егоров. – Так это вы сделали эту запись и снимки?!

– Запись я, – еще тише ответила девушка и опустила голову. – А фотографии – мой начальник, Владимир Тимофеевич Медведев.

– Но... – взволнованно воскликнул Егоров, – встречи лидеров террористов, тем более такого уровня, как правило, тщательно охраняются! Как же вам удалось туда проникнуть и уйти?

Внезапно он понял, что ссадины девушки напрямую связаны с этой операцией.

– Ушла только я, – глядя в стол, вздохнула Вероника. – А Владимир Тимофеевич увел за собой преследователей и погиб.

Девушка быстро провела рукой по глазам, но Егоров успел заметить повисшую на ее ресницах слезу. Очевидно, Локтионов тоже это заметил, потому что по-отечески сказал:

– Крепитесь, Вероника. Ваш начальник был мужественным человеком и настоящим разведчиком, и решение, которое он принял в той ситуации, было единственно правильным.

Девушка резко вскинула голову:

– Я в порядке, товарищ генерал.

Вряд ли это можно было сказать о ней в полной мере, но Локтионов решил поддержать девушку:

– Тогда продолжим. – Он повернулся к Егорову: – Андрей Геннадьевич, высказанное на встрече лидеров «Аль-Каиды» предложение о разработке информационного оружия, безусловно, свидетельствует о новом направлении террористической деятельности этой организации. Прежде мы не сталкивались с проявлениями кибертерроризма. Во всяком случае, мне такие факты неизвестны. Но раз такая опасность возникла, мы должны своевременно на нее реагировать. Поэтому я поручаю вам оценить реальность использования «Аль-Каидой» и другими террористическими организациями информационного оружия и степень его угрозы безопасности страны.

– Эти материалы... – Локтионов указал взглядом на просмотренные Егоровым фотографии, потом вынул из своего компьютера компакт-диск, содержащий запись переговоров руководителей «Аль-Каиды», и тоже передал его Егорову. – Возьмите себе для анализа. Работать будете в паре с нашей коллегой из СВР, – он перевел взгляд на сидящую напротив Егорова девушку. – С руководством вопрос согласован. Привлеките к работе специалистов из нашего информационного центра. Свои соображения доложите мне. Возможно, вам придется выступить с докладом по этой проблеме на коллегии, так что готовьтесь.

– Ясно, Олег Николаевич, – Егоров утвердительно кивнул.

– Приступайте. Желаю удачи.

Начальник управления поднялся из-за стола и по очереди пожал руки Веронике и Егорову.

* * *

Выходя из кабинета Локтионова, Егоров придержал дверь, пропустив Веронику вперед.

– Простите, Вероника, можно узнать ваше отчество, а то мне как-то неловко к вам обращаться? – спросил он у девушки, когда они вышли в коридор.

– Вероника Анатольевна, двадцать пять лет, по образованию филолог, родилась в Петербурге, сейчас живу в Москве, не замужем, детей нет! Достаточно?! – даже не пытаясь скрыть своего раздражения, резко ответила та.

Егоров опешил. Он как будто ничем не заслужил к себе такого отношения. Да и знакомы они всего несколько минут. Откуда же такая неприязнь? Правда, и в кабинете Локтионова она была не в лучшем настроении, но в присутствии генерала по крайней мере держала себя в руках.

– Вполне, – он озадаченно кивнул головой. – Вероника Анатольевна, вы не очень спешите? Мне бы хотелось внимательно прослушать запись. Возможно, понадобятся ваши пояснения.

Девушка пожала плечами.

– Давайте послушаем.

Никакого интереса, полное равнодушие. Хотя она еще молода, чтобы служба успела ей надоест. Да и при таком отношении к работе она бы не стала рисковать жизнью, выслеживая в

Бейруте руководителей «Аль-Каиды», нашла бы какую-нибудь уважительную причину, чтобы отказаться от этого задания. Нет, здесь что-то другое.

– Пройдемте ко мне в кабинет, – предложил Веронике Егоров, и она так же равнодушно последовала за ним.

Для плодотворного контакта следовало разрушить воздвигнутую девушкой стену отчуждения, и, войдя в кабинет, Егоров предложил:

– Может быть, выпьем кофе? У меня есть хорошее овсяное печенье. Вы как относитесь к кофе, Вероника Анатольевна?

Но эта попытка ни к чему не привела.

– Спасибо, нет, – категорично заявила девушка. Она уселась на один из стульев, стоящих вдоль стены, напротив письменного стола Егорова, и, положив на колени плотно сцепленные в замок руки, добавила: – Можете называть меня просто Вероника. Я не обижусь.

– Спасибо, – Егоров улыбнулся, но девушка не ответила на его улыбку.

Размышляя над причинами ее столь странного поведения, Егоров вставил полученный от Локтионова компакт-диск в проигрыватель портативной магнитолы и включил воспроизведение.

– Мы собрались здесь... чтобы обсудить стоящие перед организацией задачи и выработать план действий на ближайший год... – словно из далекого прошлого донесся из динамиков гортанный голос.

– Это Абу Умар, – пояснила Вероника.

– Я понял, – ответил Егоров, но, встретившись с вспыхнувшими болью и ненавистью глазами девушки, замолчал.

Ему все стало ясно. Ее равнодушие было показным. В действительности ей тяжело слушать эту запись, потому что она всякий раз напоминает ей о гибели ее начальника, пожертвовавшего собой, чтобы спасти ее. Скорее всего, погибший в Бейруте коллега был для нее не просто начальником, раз она так переживает его смерть. Отсюда и ее настроение. Сейчас она относилась бы так к любому мужчине, навязанному ей в напарники, после гибели человека, которого она, судя по всему, любила.

Егоров с сочувствием посмотрел на девушку. Она же, наоборот, вспыхнула от его взгляда и, вскочив со стула, воскликнула:

– Что вы так на меня смотрите?! Что вы все меня жалеете?! Не надо меня жалеть! Я уже сказала вашему генералу, что я в порядке! И сделаю все, чтобы убийцы моего... друга, – она на мгновение запнулась, – ответили за это!

– Это не так просто, – задумчиво покачал головой Егоров. – Я четыре года со своей группой разыскивал Абу Умара по всему Афганистану. Несколько раз мы перехватывали идущие к нему караваны, уничтожили два его отряда и базу подготовки боевиков, но так и не смогли выследить его самого. Помимо поддержки афганского населения, которую Абу Умар получал практически повсеместно, как представитель духовенства, он пользовался данными космической разведки, которыми его щедро снабжали американцы, что позволяло ему всякий раз ускользать от нас.

– Чем же он заслужил такую признательность американцев? – перебила Егорова Вероника.

– Через него они снабжали моджахедов переносными зенитно-ракетными комплексами, поэтому так и оберегали своего контрагента.

– Что ж, они сами вырастили этого зверя!

– М-да, – печально заметил Егоров. – Только нам от этого не легче. Двадцать лет назад Абу Умар был одним из полевых командиров афганского сопротивления. Сейчас же он один из высших руководителей «Аль-Каиды», и его возможности, как и та опасность, которую он представляет, многократно возросли.

Вероника презрительно скривилась:

– Абу Умар стар. Его время, как и время большинства других лидеров «Аль-Каиды», стремительно уходит. Совсем скоро вместо них в руководство организацией придут «молодые волки». Такие, как этот! – подойдя к столу, она выхватила из пачки фотографий снимок человека в европейском костюме и показала его Егорову. – Вот кто сейчас гораздо опаснее Абу Умара и других известных вам руководителей «Аль-Каиды»!

– ...Главная цель – посеять у врага страх, вызвать панику в его рядах! – словно в подтверждение ее мнения донеслись из динамиков магнитолы слова запечатленного на фотографии террориста.

Егоров по-другому взглянул на фотоснимок в руках девушки. А ведь Вероника права. Это первый представитель нового поколения лидеров «Аль-Каиды», которые в скором времени придут к руководству организации. Они более образованны, чем прежние руководители, поэтому будут использовать в своей борьбе последние достижения современной науки и техники. Но главное – ради удовлетворения своих неумных амбиций они, не задумываясь, ввернут мир в любую глобальную катастрофу!

Он взял снимок из рук девушки:

– Это он обнаружил вашу наблюдательную позицию?

Вероника кивнула:

– Он.

– Вы не пытались установить его личность?

– Пытались, – Вероника снова кивнула. – Но в нашем архиве нет данных об этом человеке.

– Странно, – удивился Егоров. – Новый лидер не может появиться ниоткуда. Чтобы войти в политсовет «Аль-Каиды», он должен иметь серьезные «заслуги»... Запрошу-ка я наш информационный центр. Возможно, там отыщется его след.

Вероника усмехнулась.

– Полагаете, база данных вашего информационного центра полнее нашей?

Егоров тоже улыбнулся. Стоило ему невольно высказать сомнение в информационных возможностях Службы внешней разведки, как Вероника сейчас же встала на защиту родного ведомства.

– Понимаю ваш скепсис. Но давайте подождем с выводами до завтра. А сейчас позвольте все-таки угостить вас кофе.

– Не возражаю. – Девушка снова улыбнулась, но уже без всякого ехидства.

– Отлично. В таком случае, я – за водой, а вы накрывайте на стол. Чашки, кофе и сахар найдете в столе. – Подхватив со стоящей на подоконнике подставки электрочайник, Егоров вышел из кабинета.

Когда он вернулся назад, банка растворимого кофе, сахар и две кофейные чашки уже стояли на столе, а Вероника, присев на край стола, с интересом разглядывала Иринин портрет, который держала в руках.

– Кто это? – Оторвавшись от портрета, она подняла на Егорова вопросительный взгляд.

– Моя... знакомая, – смущенно ответил Егоров. Он быстро подошел к Веронике и забрал у нее свой рисунок. – А вам разве не говорили, что даже симпатичным девушкам не пристало рыться в ящиках чужого стола, или это профессиональная черта?

Он хотел пошутить, но получилось грубо, и Вероника сразу вспыхнула.

– Я нигде не рылась, а искала чашки и кофе, между прочим, по вашей просьбе! – возмущенно воскликнула она. – А если вы боитесь, что кто-нибудь увидит портрет вашей возлюбленной, запирайте его в сейф!

Егоров аккуратно расправил на столе помявшийся рисунок и убрал его обратно в стол, потом дождался, когда закипит вода, и заварил кофе. За все это время Вероника не произнесла

ни слова и лишь искоса наблюдала за ним. Когда кофе был готов, она залпом выпила свою чашку, так и не притронувшись к печенью, которое предусмотрительно выложил Егоров, и, обращаясь к нему, требовательно спросила:

– Запись мы прослушали, кофе выпили. Теперь я могу быть свободна?

– Я на машине и мог бы вас отвезти, – желая сгладить допущенную неловкость, предложил девушке Егоров.

– Я живу в Теплом Стане. Вряд ли нам по пути, – заявила в ответ Вероника.

Егоров мысленно усмехнулся. Если бы он ехал в свое Медведково, она была бы права. Но он уже полгода живет с Ириной.

– Я еду на Ленинский проспект. Так что отвезти вас в Теплый Стан меня действительно не затруднит.

– Однако! – Вероника вскинула брови. – Как же вас ценит руководство, раз выделило квартиру на Ленинском проспекте.

– Ваша ирония, Вероника, не уместна. Эта квартира не моя, а... – Егоров запнулся. Что сказать дальше, он не знал.

– Можете не продолжать – вашей знакомой. Я поняла, – девушка кивнула. – Боюсь вызвать ее ревность, так что вынуждена отклонить ваше предложение. Доберусь самостоятельно. – Развернувшись, она направилась к выходу.

– Вероника, оставьте ваш телефон, чтобы я мог с вами связаться, – поспешно крикнул ей в спину Егоров, пока она не успела выйти за дверь.

Вероника нехотя вернулась к столу и быстро написала на листе перекидного календаря номера городского и мобильного телефонов, потом вырвала листок из календаря и положила его перед Егоровым:

– Теперь все?

Егоров растерянно кивнул:

– Все.

– Кстати, заваривать кофе вы совершенно не умеете. Поучились бы у своей подруги! – напоследок бросила она, чтобы оставить за собой последнее слово, и, выйдя из кабинета, намеренно хлопнула дверь.

Оставшись в кабинете один, Егоров задумчиво почесал затылок. Восприятие кофе – вопрос вкуса, а вот отношения с женщинами он точно строить не умеет.

* * *

Поставив на обеденный стол опорожненную пиалу, Омар пружинисто поднялся с застилающего пол ковра. Сейчас на нем были такие же, как на отце, широкие шаровары и длинно-полая рубаха, куда более распространенные в северном Пакистане, чем европейский костюм, который большинство жителей горной провинции никогда не видели в своей жизни. Омар хорошо поел. Настроение было превосходным – он неплохо выступил на совещании, а члены совета по достоинству оценили его роль в розыске российских шпионов. Жаль, что помогавшая русскому шакалу девица сумела сбежать, но это уже не его вина, а Аббаса, не сумевшего как следует организовать охрану места встречи руководителей организации, за что тот и поплатился. Вот только ноги затекли от долгого сидения на полу. За семь лет в Европе и еще за три года в Америке Омар отвык от особенностей национального стола и сейчас с трудом выдержал полуторачасовую трапезу, в течение которой ему пришлось, подражая отцу, сидеть на разложенных по ковру подушках, подогнув под себя ноги. Стараясь не выдать отцу своей усталости, он прошелся по ковру, разминая затекшие мышцы. Если Абу Умар и заметил неловкость его походки, то ничего по этому поводу не сказал. Сидя на полу в прежней позе с пиалой зеленого чая в руке, он продолжал молча смотреть на расхаживающего по ковру сына.

– Так все-таки, когда ты намерен снова созвать совет? – вновь вернулся Омар к разговору, который уже неоднократно заводил с отцом после их поспешного отъезда из Бейрута.

Абу Умар озабоченно вздохнул. Омар молод и горяч, и ему не терпится поквитаться с американцами за то, что они чуть было на всю жизнь не засадили его за решетку. Но пока существует угроза разоблачения, только безумец может настаивать на скорейшей встрече руководителей организации.

– Члены совета обеспокоены активностью русских и не рискнут сейчас собраться на новую встречу.

Омар раздраженно сморщился:

– Они боятся встречаться, а я из-за их трусости не могу начать действовать!

– До нашего отъезда из Бейрута я переговорил кое с кем из членов совета, – уклончиво ответил Абу Умар. – Твое заявление об эффективности кибероружия кажется им весьма сомнительным. Боюсь, что члены совета согласятся с тобой только после того, как своими глазами увидят результаты акции с применением такого оружия.

– А воздушной атаки США им недостаточно! – в запале выкрикнул Омар.

Абу Умар отрицательно покачал головой:

– Согласись, что хакеры лишь облегчили задачу пилотам, но главная роль в этой акции принадлежала все-таки нашим летчикам-шахидам.

От хорошего настроения не осталось и следа. Если бы сейчас перед ним были члены совета – эти выжившие из ума старики, верящие только в кинжал, пулю да самодельную бомбу, Омар высказал бы им все, что он о них думает. Но они позорно сбежали из Бейрута, разъехались по миру и забились в свои щели, потому что боятся вражеских шпионов.

Стиснув зубы, Омар подошел к окну и выглянул с застекленной террасы на окружающий усадьбу широкий двор, по которому с автоматами на плечах расхаживали боевики из числа личных телохранителей Абу Умара. Омар насчитал шестерых. Двое патрульных в очередной раз обходили надворные постройки: обложенный камнями бассейн, заполняемый по подземному трубопроводу водой из кристально чистого горного источника, ангар с дизель-генератором и вкопанными в землю цистернами с горючим, просторный гараж с двумя внедорожниками Абу Умара и открытый навес, под которым стояли машины охраны: армейский грузовик и джип с установленным на турели пулеметом. Двое других охранников что-то мастерили, возясь у въездных железных ворот. Их автоматы стояли рядом, прислоненные к сложенной из гранитных валунов и залитой цементом трехметровой стене. Снаружи стена не была оштукатурена, и составляющие ее гранитные глыбы издали выглядели простым нагромождением камней, обеспечивая тем самым дополнительную маскировку расположенной за ними усадьбы духовного лидера «Аль-Каиды». Пятый охранник расположился на затянутой маскировочной сетью пулеметной вышке, возведенной у въездных ворот. Шестой боевик сидел возле флигеля охраны, на деревянной колоде, которая очень напоминала плаху палача, а, может быть, ею и являлась. Поставив свой автомат на землю между широко расставленных ног, он наблюдал за остальными боевиками. Судя по властной позе и более дорогой одежде, он возглавлял дежурную смену. Омар знал, что, кроме этих шестерых, в доме находятся четверо телохранителей. А вместе с поварами и слугами в усадьбе-крепости проживает два десятка человек, и все они при необходимости могут взять в руки оружие.

Отвернувшись от окна, Омар повернулся к отцу.

– А ты неплохо устроился, – язвительно заметил он. – В тех же Штатах такая вилла стоила бы несколько миллионов долларов.

Абу Умар лишь молча усмехнулся в ответ. Несмотря на то, что усадьба имела вид типичного для пуштунов жилища, спроектировали ее итальянские архитекторы. А ее строительство, включая оборудование и оснастку бронированного подземного бункера, выполняющего одновременно роль бомбоубежища и места конфиденциальных встреч с доверенными лицами, обо-

шло хозяину усадьбы в десять миллионов долларов – для жителей провинции, где средний годовой доход взрослого мужчины составляет около трехсот долларов, совершенно невиданную сумму.

– Как я догадываюсь, это не единственное твое жилище? – продолжал ехидничать Омар. Абу Умар утвердительно кивнул.

– Есть еще усадьбы в Судане и Катаре, дом в Йемене, но... – Абу Умар внезапно замолчал и, тяжело вздохнув, добавил: – Всего этого я могу в одночасье лишиться, если членам совета станут известны некоторые факты из моей биографии.

Омар опешил. Он никогда не идеализировал отца, но тысячи и тысячи рядовых членов «Аль-Каиды» считали его новым пророком, глашатаем воли Аллаха, почти что богом. И вдруг оказалось, что святейший шейх Абу Умар боится, причем не израильтян или американцев – заклятых врагов всех мусульман, по его собственному утверждению, а своих соратников.

– О чем ты говоришь, отец?!

Абу Умар горько вздохнул.

– Когда мы сражались против русских в Афганистане, нам постоянно требовалось оружие, много оружия. Чтобы иметь его, мне пришлось пойти на сотрудничество с американцами. Да, на сотрудничество! – повысил голос духовный лидер «Аль-Каиды», заметив, как при его последних словах изумленно вытянулось лицо сына. – Иначе мы никогда не получили бы их «стингеры», позволившие нам сбивать русские самолеты! Это была вынужденная сделка, но члены совета не потерпят никаких оправданий. Любое сотрудничество с врагом для них равносильно предательству.

Омар понимающе кивнул. В организации немало претендентов на место отца. И прошлое сотрудничество шейха Абу Умара с американцами – прекрасный повод, чтобы раз и навсегда избавиться от него. Но раз уж ему столько времени удавалось хранить эту тайну...

– Прошло уже столько лет, – осторожно заметил Омар. – И если члены совета за все это время так и не узнали о твоей бывшей связи с американцами, то какие у тебя основания предполагать, что им все же станет известно об этом?

Абу Умар пристально взглянул в глаза сына. Ему внезапно показалось, что Омар знает о его контактах с американцами куда больше того, чем он сам ему сообщил. Если бы его связь с ЦРУ ограничивалась временем войны с русскими шурави в Афганистане, он бы не опасался разоблачения. В конце концов, он мог и не знать, что Фил Уотерс, поставлявший американское оружие в его отряд, является кадровым сотрудником ЦРУ. Если бы... Но жизнь не имеет сослагательных наклонений. И его отношения с Уотерсом не закончились после вывода из Афганистана советских войск. Оказалось, что американскую разведку весьма интересует ситуация в среднеазиатских республиках бывшего СССР. В обмен на эту и другую информацию Уотерс закрыл глаза на имевшие место, с точки зрения американцев, нарушения прав человека при режиме талибов, потом прикрыл пару сомнительных, опять же с точки зрения американского законодательства, финансовых операций, потом... В общем, до определенного момента отношения с Уотерсом были весьма полезны. Когда же их выгода перестала компенсировать очевидный риск каждодневного разоблачения, Абу Умар разорвал всякие контакты с американцем. Но вряд ли сам Уотерс согласился с таким решением и в качестве наказания за проявленную строптивость вполне мог сдать своего бывшего конфидента его соратникам. Абу Умар хорошо помнил, что за время своих контактов с Уотерсом не подписал ни одного документа. Но американец знает такие подробности его двойной жизни, что при желании может легко доказать его связь с ЦРУ.

– Не забывай, что эта информация может уйти от самих американцев. Точнее, от того человека, через которого осуществлялись все мои контакты с ними, – ответил Абу Умар на вопрос Омара.

– Значит, нужно раз и навсегда заткнуть ему рот! – после недолгой паузы твердо произнес Омар. – Ты знаешь, где он находится?

Абу Умар утвердительно кивнул.

– Сейчас он резидент ЦРУ в Москве.

– В Москве? – брови Омара изумленно поползли вверх.

– Да, – подтвердил Абу Умар. – Его зовут Фил Уотерс. В Москве он работает под прикрытием американского атташе по культуре. Я долго искал его через своих людей и вот, наконец, нашел. То, что ты предлагаешь, надо сделать сейчас, пока он не уехал из Москвы. Иначе мы опять потеряем его. Среди наших братьев, которые вместе с чеченцами сражаются на Кавказе против русских, у меня есть надежные и проверенные люди. Все они бесстрашные бойцы, но им самим не справиться со столь сложной задачей. Поэтому я прошу тебя сделать это. Никому другому я не могу это поручить. Ты прекрасно владеешь русским языком. А на нашей недавней встрече в Бейруте ты показал себя не только стратегом, но и отличным воином, когда обнаружил русских шпионов и уничтожил одного из них. – Видя, что сын медлит с ответом, Абу Умар поспешил добавить: – Если американец выдаст меня, пострадаю не только я. Лишившись моей поддержки, ты никогда не войдешь в совет и не сможешь стать во главе организации. Так что это и в твоих интересах, чтобы американец замолчал навсегда.

Тревожные мысли вихрем пронесли в голове Омара. Москва – не Бейрут. Похитить там американского дипломата, даже не дипломата – профессионального разведчика, а именно это предлагает отец, совсем не то же самое, что загнать двух русских нелегалов в лабиринте улиц ливанской столицы. Такая операция потребует серьезнейшей подготовки. Не говоря уже об опасности, связанной с ее проведением. Но остаться без поддержки отца еще опаснее. Если это произойдет, что бы он ни делал, он на всю жизнь останется сыном предателя и никогда не поднимется до руководства организации. Отец прав: американец – их общий враг, а враг должен быть уничтожен.

Омар решительно расправил плечи.

– Ты можешь рассчитывать на меня, отец.

Губы сидящего на ковре лидера «Аль-Каиды» растянулись в непривычную для него улыбку, обнажив крупные редкие зубы. Зная авантюрный характер своего старшего сына, Абу Умар надеялся, что Омар примет его предложение, иначе никогда не завел бы с ним весьма опасного для себя разговора. Но все-таки вероятность отказа существовала. Своим ответом Омар окончательно развеял ее.

Шейх поднялся и, подойдя к Омару, крепко обнял его.

– Да поможет тебе Аллах!

Глава 3

ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ

Первым делом, приехав в Ясенево, Вероника взялась за составление запроса. К десяти часам он уже был готов. Вероника быстро напечатала на компьютере шапку письма, поставила под текстом запроса свою персональную электронную подпись и по внутренней сети отослала письмо в информационно-аналитический отдел. Конечно, лучше было бы подписать письмо у начальника сектора – запрос рядового сотрудника аналитики будут обрабатывать несколько дней, – но тогда это уже не будет ее самостоятельная работа. А она должна доказать всем, и прежде всего этому надменному полковнику из ФСБ, что способна сама, без чьей-либо постоянной помощи, добиться результата. С каким превосходством смотрел он на нее в кабинете своего шефа! И потом это его совершенно неуместное предложение выпить кофе! Почему все мужчины, с которыми приходится работать, воспринимают ее как наивную, недалекую девушку, которую нужно постоянно опекать? Только Владимир оценил ее по достоинству. Вспомнив о своем погибшем в Бейруте наставнике, спасшем ее от террористов ценой собственной жизни, Вероника всхлипнула и закусил губу, чтобы, чего доброго, не разрыдаться в собственном служебном кабинете. После гибели Владимира их общий кабинет, где они почти полгода просидели напротив друг друга, казался Веронике холодным и неудобным. А ведь прежде она каждое утро с радостью спешила на службу, потому что знала, что увидит там *его*. Больше этого никогда не будет. Владимир никогда не зайдет в эту дверь, не усядется на край своего стола и не взглянет на нее так, как мог смотреть только он. А этот Егоров, что он может знать о Владимире, а еще лезет со словами утешения. Лучше бы занялся своим прямым делом.

Разговор с Егоровым в его кабинете зародил у Вероники серьезные сомнения в его аналитических способностях. Может быть, он и хороший оперативник, как его охарактеризовал начальник управления, но он мыслит старыми категориями. В молодости гонялся за Абу Умаром по всему Афганистану, так и не поймал и теперь считает, что престарелый лидер «Аль-Каиды» представляет собой чуть ли не главную опасность. В его представлении террористы – это обвешанные взрывчаткой малограмотные моджахеды, одурманенные исламистами, вроде того же Абу Умара. Может быть, чеченские боевики и воюющие на их стороне арабские наемники, с которыми приходится сталкиваться Егорову и его коллегам-фээсбэшникам, именно такие, но лидеры «Аль-Каиды» уже давно освоили компьютерные технологии и взяли их на вооружение. А Егоров до вчерашнего разговора наверняка и не слышал про такое явление, как компьютерный терроризм. Но с материалами аналитического отдела она заставит его по-иному взглянуть на эту проблему, а заодно и изменить его отношение к себе. Впрочем, чтобы изменить отношение Егорова одних материалов аналитического отдела будет явно недостаточно. Ничего, она докажет этому надменному полковнику, что и сама способна добывать информацию.

Открыв сейф, не выкрашенный масляной краской неподъемный сундук, как в кабинете Егорова, а хромированный изящный стальной пенал, органично вписывающийся в современный интерьер кабинета, Вероника достала оттуда похожую на записную книжку кожаную визитницу. Сейф, правда, был маловместительным и, как однажды заметил Владимир, не особенно надежным. Но какие ей там хранить материалы, особенно после того, как СВР перешла на электронный документооборот.

Перелистав визитницу, Вероника отыскала там нужную визитную карточку и набрала отпечатанный на глянцевого прямоугольнике телефонный номер. После четвертого гудка в трубке раздался уверенный женский голос:

– Программа «Актуальная тема», приемная Максима Астахова.

Какая-нибудь пышногрудая блондинка с ногами от ушей. Астахов всегда любил окружать себя именно такими. Впрочем, он был падок не только на блондинок.

Сдержав готовую сорваться с губ презрительную усмешку, Вероника ответила:

– Я хотела бы переговорить с Максимом Леонидовичем.

– Кто его спрашивает? – надменно поинтересовалась принимающая звонки девица.

Действительно, кто? Не скажешь же: из Службы внешней разведки, а прошлая легенда безнадежно устарела.

– Это Вероника Богданова, – после секундной паузы сказала Вероника. В конце концов, Астахов должен ее помнить.

– Максима Леонидовича нет на месте. Что ему передать? – последовал дежурный вопрос секретарши.

– Ничего не нужно. Я сама ему перезвоню, – с достоинством ответила Вероника. Надменной секретарше и невдомек, что Астахов оставил ей номер своего сотового.

Но едва Вероника положила трубку, как ее охватило беспокойство. За два года номер мобильного телефона Астахова мог и измениться. С волнением она принялась набирать на аппарате цифры, от руки добавленные Астаховым на свою визитную карточку. Но когда оставалось набрать последнюю цифру, Веронике внезапно прошиб озноб. Что она делает?! Ведь номер ее рабочего телефона останется в памяти аппарата Астахова! А если тот выяснит, что этот номер закреплен за СВР?! Вся ее легенда лопнет, как мыльный пузырь. Хуже того, из-за своей тяги к сенсационным разоблачениям Астахов может «ославить» ее на всю страну в одной из своих очередных передач. Да еще наверняка добавит что-нибудь от себя про их отношения! Веронике буквально передернуло от этой мысли, и она поспешно бросила трубку на рычаг. Сделав несколько глубоких вдохов, по методу Владимира, чтобы успокоиться, она раскрыла сумочку и достала оттуда собственный мобильный.

Ждать пришлось не меньше трех или четырех минут, Вероника уже собиралась отключиться, когда в трубке наконец раздался заспанный голос Максима Астахова:

– Алле.

– Привет, Максим. Это Вероника тебя беспокоит, – бодро сказала она в трубку.

Но на Астахова бодрый тон ее голоса не произвел никакого впечатления.

– Что? Какая Вероника? – зевая, спросил он.

– Вероника Богданова, – искренне обиделась девушка. – Я у вас практику проходила, два года назад, ассистентом режиссера, помните?

– Да? Ну, и как?

– Что как? – не поняла Вероника.

– Как, говорю, практика, помогла?

Он ее явно не узнал. И ведь не скажешь ему, что она та самая практикантка, которая отказалась переспать с ним, несмотря на его настойчивые даже не уговоры, а требования.

– Вам это действительно интересно? – изобразила удивление Вероника. – А прежде, когда вы называли меня Никой, то предпочитали в основном непроизводственные темы.

Она терпеть не могла придуманное Астаховым сокращение своего имени, но сейчас просто не нашла другого способа напомнить о себе.

– Ничка?! – сразу оживился Астахов. – Ты куда пропала? Не звонишь, не пишешь! Чем занимаешься?

– Как раз пишу, в одном глянцево-м журнале, – выдала Вероника заранее заготовленный ответ.

– Да? А я слышал, что тебя вроде бы за границу направили.

Вероника похолодела. Неужели Астахов наводил о ней справки? Непохоже на него. Однако в разговоре с ним надо быть осторожнее.

– Если бы. Пару раз выезжала, пока работала в международном отделе РИА «Новости», – как о чем-то давно минувшем ответила Вероника и поспешила сменить тему: – Ну а ты по-прежнему звезда канала?

– Ну так, – довольно усмехнулся он. – Рейтинги не обманешь! А знаешь, какой рейтинг у моей программы? У-у!

Вероника поморщилась. Ну как Астахов мог себя не похвалить!

– Слушай, я тебе поэтому и звоню, – умело польстила она его самолюбию. – Недавно видела твоих «Кибервоинов»...

– Ну и как, понравилось? – живо поинтересовался он.

– Не то слово. А мне, представляешь, редактор заказал материал на ту же тему. Не совсем на ту же, – поправилась она, – но близкую. Вот я и подумала: может, ты дашь мне интервью по старой памяти, а заодно подскажешь, с кем еще можно встретиться.

– Можно и дать, – задумчиво согласился Астахов. Вероника снова поморщилась. Из его уст это выражение прозвучало на редкость пошло. – Только знаешь, я ведь по телефону интервью не даю. Только при личной встрече.

– Отлично. Когда? Где?

– А давай вечером у тебя дома, – неожиданно предложил он.

Каков кобель! Веронике с трудом удалось сдержать возмущение.

– Нет, это совершенно исключено.

– Ладно, Ничка, не бери в голову. Я пошутил. Звякни мне часов в семь. Что-нибудь придумаем, – Астахов отключился.

Вероника зло уставилась на телефон. Придумает он! Словно для обычного интервью нужно что-то придумывать. Однако без расположения Астахова получить от него какую-либо информацию невозможно. А для этого нужно постараться произвести на него впечатление. Достав коробочку с тенями, Вероника критично осмотрела себя в зеркало. В целом ничего, но прическу можно и освежить, а макияж... Все будет зависеть от того, где Астахов назначит ей встречу.

* * *

– А чего ж запрос не направили? Или не доверяете? – пробежав глазами предписание, подписанное генерал-лейтенантом Локтионовым, начальник информационного центра поднял взгляд на стоящего перед ним полковника Егорова.

– Дело срочное. Ждать ответа на обычный запрос просто нет времени, – уклончиво ответил Егоров.

– Ну, раз срочное, – начальник ИЦа снял трубку многоканального телефона на своем столе и, нажав кнопку селектора, произнес: – Михал Борисыч, сейчас к тебе спустится наш коллега из УБТ, полковник Егоров... – Он еще раз заглянул в предъявленное Егоровым предписание. – Андрей Геннадьевич. Окажи ему посильную помощь.

Переговорив с подчиненным, он снова обратился к Егорову:

– Идите к подполковнику Маслову, в сто первый кабинет. Он вас ждет.

Поблагодарив начальника информационного центра за содействие, Егоров отправился к рекомендованному им сотруднику.

Сто первый кабинет располагался в цокольном, полуподвальном этаже. Слышимый даже в коридоре механический шум, напомнивший Егорову гул проводов высокого напряжения, указывал, что именно здесь находится мозг информационного центра – электронно-вычислительный комплекс. Отыскав дверь с номером сто один, Егоров коротко постучал и вошел. Кроме сейфа, письменного и дополнительного приставного стола с персональным компьютером, как в его собственном кабинете, здесь стояли два принтера и громоздкий копировальный

аппарат. Правда, экран компьютера оказался гораздо шире, а сейф – двустворчатым, в два раза больше егоровского. Вплотную к сейфу приткнулся открытый стеллаж, снизу доверху забитый журналами по компьютерной тематике. Из-за этого нагромождения мебели и оргтехники свободного места в кабинете практически не осталось, и Егоров подумал, что работать в такой тесноте хозяину кабинета наверняка неудобно.

Навстречу ему из-за стола поднялся полный мужчина невысокого роста в помятых брюках и не очень свежей рубашке с расстегнутым воротом и ослабленным галстуком.

– Михаил Борисович?

Мужчина кивнул и, извиняясь за свой внешний вид, пояснил:

– Жарко у нас. Батареи на полную мощь жарят, а кондиционеры не справляются. – Он достал из кармана брюк носовой платок и промокнул им потный лоб. – А вы, стало быть, Егоров из УБТ?

– Андрей Геннадьевич. – Егоров шагнул вперед и протянул руку хозяину кабинета.

Тот поспешно пожал ее и, переходя к делу, спросил:

– А к нам по какому вопросу?

Егоров раскрыл принесенную с собой папку и, вынув оттуда фотографию неизвестного лидера «Аль-Каиды», протянул ее подполковнику Маслову.

– Мне нужно установить личность этого человека.

– По фотографии, – Маслов снова промокнул вспотевший лоб. По кислому лицу подполковника Егоров понял, что он сомневается в реальности такой задачи. – Ладно, оставьте снимок. Попробуем что-нибудь сделать. Позвоните через пару дней.

– Хотелось бы побыстрее, – проявил настойчивость Егоров.

– Да? – переспросил подполковник, словно хотел убедиться в твердости намерений своего гостя. – Тогда идемте со мной.

Он кое-как протиснулся между столом и копировальным аппаратом и, пропустив Егорова, вышел из кабинета. Пройдя по коридору мимо закрытых дверей, из-за которых доносилось гудение процессорных блоков, шум вентиляторов и шелест вращающихся катушек магнитных лент, Маслов привел Егорова к двери с табличкой «Операционный зал» и, распахнув ее, вошел в помещение.

Операционный зал напомнил Егорову лингафонный кабинет. Вдоль одной из стен в ряд стояли три стола, отделенные друг от друга пластиковыми перегородками, только вместо наушников и магнитофонов на столах были установлены компьютеры. За центральным компьютером сидел молодой сухощавый паренек в футболке и джинсах и, жадно глядя в экран, стремительно щелкал пальцами по клавиатуре. Увидев краем глаза вошедшего в операционный зал Маслова, он нажал какую-то клавишу, и перемигивающийся разными цветами экран сейчас же погас, и на нем высветились цифры электронных часов, показывающих текущее время. Изображение на экране компьютера сменилось практически мгновенно, но все-таки Егоров успел увидеть из-за спины подполковника Маслова, что, прежде чем включить экранную заставку, парень увлеченно играл в одну из разновидностей «тетриса», ловко раскидывая по стакану сыплющиеся сверху трехцветные прямоугольники.

– Ты опять за свое, Колесников! – возмущенно воскликнул Маслов. – Нам завтра отчет представлять, а ты опять в игры играешь!

– Да не волнуйтесь вы так, товарищ полковник, – извиняющимся тоном произнес парень, повысив начальника в звании на одну ступень. – Я уже все позиции сформировал и еще час назад отправил полный отчет в службу доставки.

– Что ты болтаешь?! Там работы до конца дня!

– Да какая там работа? – парень скептически дернул плечом. Он держался не в пример увереннее Маслова, чем сразу понравился Егорову. – В ядре поисковые атрибуты изменил, через пять минут все было готово.

– Ну-ка, покажи, – недоверчиво потребовал Маслов.

– Пожалуйста. – Парень снова обернулся к монитору, Егоров готов был поклясться, что он даже не взглянул на клавиатуру и со скоростью, которой позавидовала бы любая машинистка, защелкал клавишами. – Вот, смотрите, товарищ полковник.

Выведя на экран какую-то таблицу, он встал со стула, освободив Маслову место за компьютером. Подполковник уселся на его стул и, вооружившись «мышью», долго листал страницы таблицы, вчитываясь в меняющийся на экране текст. Просмотрев всю таблицу до конца, он наморщил лоб и озадаченно крикнул:

– Да, действительно... Так ты говоришь, просто поменял поисковые атрибуты?

– Конечно, – парень развел руками, демонстрируя, что это оказалось для него проще простого.

– Гм, – Маслов явно растерялся. Так ничего и не сказав по поводу досрочно выполненного отчета, он решил сменить тему: – Вот, Игорь, знакомься. – Он перевел взгляд на Егорова. – Полковник Егоров из управления по борьбе с терроризмом. Ему нужно проверить по нашей базе данных одного человека.

– Андрей Геннадьевич. – Егоров протянул пареньку руку.

– Игорь. – После секундной задержки парень охотно пожал Егорову руку. Он носил изящные очки в легкой металлической оправе, которые придавали еще больше интеллекта его смышленому лицу. – Колесников, – опустив отчество, назвал свою фамилию паренек и еще через секунду добавил: – Лейтенант.

– Игорь всего год после института, а уже зарекомендовал себя как один из лучших специалистов нашего отдела, – с гордостью произнес Маслов, очевидно, уже забыв, что только что отчитывал своего подчиненного за увлечение компьютерными играми.

Егоров с интересом взглянул на парня.

– Что оканчивали?

– Технический институт нашей академии.

Егоров улыбнулся. В свое время он тоже окончил Академию ФСБ, правда тогда она еще называлась Высшая школа КГБ.

– Значит, мы с тобой однокашники!

– Вы тоже из «Вышки»², товарищ полковник? – удивился Игорь.

Егоров улыбнулся еще шире.

– Вот именно. Специализация – арабские страны.

Игорь улыбнулся в ответ.

– А моя специальность широкого профиля – математическое обеспечение вычислительных комплексов.

– Тогда эта задача как раз для тебя. – Егоров раскрыл папку и вынул оттуда показанную ранее Маслову фотографию. – Сможешь установить его личность?

Игорь с интересом взял в руки фотографию.

– А кто это?

– Международный террорист, – ответил Егоров, отметив про себя, что подполковник Маслов не задал ему такого вопроса. Он вообще не заинтересовался, что за человек запечатлен на фотографии.

– Серьезно?! – удивление Колесникова было неподдельным. Он перевернул снимок и, убедившись, что он сделан цифровым фотоаппаратом, сказал: – Вам надо было принести карту памяти или диск, с которого напечатана фотография, чтобы сразу загнать изображение в компьютер.

---

² Сленговое обозначение Высшей школы КГБ, введенное в оборот ее слушателями и сохранившееся после переименования Высшей школы в Академию ФСБ.

Егоров растерялся. Об этом он совершенно не подумал, хотя у Вероники, кроме отпечатанных фотоснимков, наверняка была и карта памяти.

– Ладно, не переживайте, – обнадежил его Игорь. – У нас хороший сканер.

Он положил фотографию под крышку сканирующего аппарата, нажал несколько кнопок, и через полминуты изображение высветилось на экране компьютера.

– Ну, погнали!

Игорь пробежался пальцами по клавиатуре и, демонстративно нажав клавишу *Enter*, откинулся на спинку стула. Изображение исчезло, и экран погас.

– Да вы присядьте, товарищ полковник, – обратился он к Егорову, в ожидании смотрящему на темный экран. – Это надолго.

– Насколько долго? – уточнил Егоров.

– Ну, – Игорь неопределенно пожал плечами. – Часа на два может затянуться.

Егоров опешил:

– Два часа?!

– А что вы хотели? – усмехнулся Игорь. – У нас тут не «гибсоны». И потом сравнительный поиск изображений – длительная процедура.

– Гибсоны? – вслед за ним повторил Егоров незнакомое слово.

– Ну да, «гибсоны» – суперкомпьютеры, используемые в качестве корневых серверов Интернета.

– Я, пожалуй, пойду, – обращаясь к Егорову, заметил оставшийся не у дел подполковник Маслов. – Если понадобится, я у себя в кабинете.

– Вы тоже можете пойти передохнуть, Андрей Геннадьевич, – предложил Егорову Колесников, когда его начальник вышел за дверь. – А как программа закончит работу, я вам позвоню.

– Спасибо, – по лицу Игоря Егоров понял, что парень не хочет, чтобы он уходил. – Если ты не возражаешь, я подожду здесь.

– О чем разговор?! – Игорь поспешно вскочил со стула и, выкатив из-за соседнего стола другой стул, придвинул его Егорову. – Вот, присаживайтесь.

Все его внимание переключилось на нового знакомого, и, когда Егоров занял предложенный стул, Игорь с интересом спросил:

– А вы в каком году «Вышку» оканчивали, Андрей Геннадьевич?

– В восемьдесят пятом, – ответил Егоров и, указав взглядом на экран, на который Игорь даже не смотрел, в свою очередь спросил: – А выполнение программы контролировать не надо?

– Да что ей сделается? – Игорь беспечно махнул рукой в сторону компьютера. – Параметры поиска заданы. Сама справится, без нашей помощи.

Он говорил о компьютерной программе как о живом человеке, и это показалось симптоматичным Егорову. В его представлении именно таким и должен был быть настоящий программист-виртуоз.

– Игорь, а ты почему решил поступать в нашу академию? По каким причинам?

Парень остро взглянул в глаза Егорову и ответил:

– Да если честно, Андрей Геннадьевич, в посредственный вуз идти не хотелось, а чтобы поступить в МГУ или физтех, надо такие бабки платить, каких моим родителям в жизни не заработать. А тут к нам в лицей кадровик из Конторы приходил, ну и предложил трем парням, кто на олимпиадах выступал, в том числе мне, поступать в Академию ФСБ. Парни, правда, сразу отказались – у их родков в Бауманке и МГУ блат был. А я прикинул: вуз серьезный, образование на уровне, опять же в армию не заберут, ну и согласился. Так и поступил.

Столь откровенный ответ Игоря изумил Егорова, однако он не мог не оценить его честность.

– Ну, а сейчас увольняться не собираешься?

– Так я же перед выпуском контракт подписал на пять лет. Год прослужил, еще четыре осталось. Там видно будет, – беззаботно ответил Игорь и тут же сменил тему: – Вы лучше о себе расскажите, Андрей Геннадьевич. – Он придвинулся ближе к Егорову и даже понизил голос. – У вас в управлении интересная служба? Часто террористов захватываете?

– Реже, чем следовало бы, – помрачнев, ответил Егоров.

– Хорошо маскируются?

– Что? – наивный вопрос молодого коллеги на время поставил Егорова в тупик, и он не сразу нашел, что ответить. – Все гораздо сложнее. Терроризм многолик и разнообразен. А в последнее время принимает и вовсе ранее не известные формы. Вот ты, например, слышал об информационном оружии? – Егоров с любопытством взглянул на Игоря.

– Вы про компьютерные «вирусы», «логические бомбы» и «троянских коней»?

Егоров пристыженно замолчал. Из всего перечисленного он имел более-менее общее представление лишь о компьютерных «вирусах». Молодой программист владел вопросом явно лучше его.

– А можешь объяснить, что означает само это понятие?

– Вообще-то, под «информационным оружием» принято понимать совокупность средств, предназначенных для уничтожения информационных ресурсов. Отсюда и название, – как при ответе на экзамене начал Игорь. – К ним относятся: «вирусы» – специальные программы, прикрепляющиеся к программному обеспечению компьютеров и разрушающие его. В отличие от других программ такого рода «вирусы» способны самостоятельно размножаться, то есть копировать себя на различные носители информации и передаваться по сетям передачи данных, «заражая» другие компьютеры и даже целые сети. Еще одна разновидность информационного оружия «логические бомбы» – это специальные программные закладки, по сути те же «вирусы», которые заранее внедряются в программное обеспечение, чтобы по сигналу или в установленное время начать действовать. Причем они могут быть «защиты» прямо в микросхемы и не обнаруживаться программными средствами. Далее, «троянские кони» – программы, которые, помимо одного, выполняют другое, скрытое действие, как правило, связанное с несанкционированным доступом к закрытой информации... Преднамеренно созданные и скрытые от обычного пользователя интерфейсы для входа в систему. Они создаются, как правило, программистами-разработчиками... Различного рода ошибки, сознательно вводимые в программное обеспечение... А из числа аппаратных средств – всевозможные малогабаритные устройства, способные генерировать электромагнитный импульс высокой мощности, выводящий из строя отдельный узел, блок или всю аппаратуру... Вот, кажется, ничего не забыл, – закончил Игорь и довольно посмотрел на собеседника.

Егоров восхищенно покачал головой. Паренек не переставал его удивлять.

– Ты что, все это наизусть учил?

Игорь рассмеялся.

– Можно сказать и так. Мы же защиту информации в «Вышке» проходили. Даже специальный вопрос на госэкзамене был.

– А террористы, на твой взгляд, могут овладеть информационным оружием?

– Да запросто, – развел руками Игорь. – Написать простенький «вирус» любой толковый программист сможет, а уж про серьезных хакеров и говорить нечего.

– И ты бы смог? – недоверчиво спросил Егоров.

– Да я и писал, когда на третьем курсе по «технологии программирования» курсовик делал.

– А какой может быть ущерб от применения информационного оружия?

– Ущерб? – задумавшись, Игорь прищурил один глаз и поскреб пальцами щеку.

У него вообще была очень богатая мимика. Во время разговора он то и дело морщил лоб, кривил рот или сводил к переносице брови и при этом беспрестанно жестикулировал. На этот раз он задумался надолго, и Егоров мог наблюдать все многообразие его ужимок и жестов.

– Так сразу и не скажешь. Смотря какой объект будет выбран для хакерской атаки. – Внезапно Игорь приободрился и, хлопнув себя ладонью по колену, воскликнул: – Знаете, вам надо встретиться с нашим преподавателем из «Вышки», подполковником Трусовым Александром Витальевичем! Фамилия, конечно, не героическая, но мужик мировой! Доцент на кафедре защиты информации. Я у него диплом делал. Он вам и про информационное оружие, и про способы защиты от него все-все расскажет.

Заметив боковым зрением какое-то изменение на экране монитора, Игорь крутнулся на стуле, разворачиваясь к компьютеру.

– О! Вот и наша программа отработала! – с энтузиазмом воскликнул он, но, прочитав с экрана полученный ответ, заметно погрузнел. – Среди установленных международных террористов, чьи фотографии имеются в нашей картотеке, вашего субъекта нет. Что ж, отрицательный результат – тоже результат.

– Но только не в данном случае, – мрачно заметил Егоров.

– Недостаток параметров, – виновато развел руками Игорь. – Может быть, вам еще что-то о нем известно?

Егоров грустно усмехнулся.

– Только то, что он ярый сторонник широкого применения информационного оружия.

– Да-а, – Игорь снова наморщил лоб. – Такой учет мы не ведем.

– Ладно, Игорь. Спасибо за помощь, – Егоров поднялся со стула и, прощаясь, протянул лейтенанту руку.

– Какая уж там помощь, Андрей Геннадьевич, – глядя в сторону, вздохнул Игорь. – Только зря со мной время убили.

– Вот это ты брось! – резко ответил Егоров. – Разговор с тобой оказался для меня очень полезен!

– Правда? – Игорь недоверчиво взглянул на Егорова и, поняв, что он не шутит, просиял. – Я действительно рад был вам помочь.

Он вскочил со стула и от души стиснул крепкую ладонь Егорова.

* * *

Дождавшись семи вечера, Вероника снова позвонила Астахову. Очевидно, за день он так ничего и не придумал, потому что пригласил ее в телецентр. Это было лучше всего. У себя в студии Астахов хранил массу рабочих материалов: всевозможных интервью, репортажей, вплоть до узкоспециальных, некогда секретных записей, бог весть как полученных им в военных и прочих архивах, для уже выпущенных и еще только готовящихся к выпуску передач, среди которых вполне могли оказаться и материалы, касающиеся проблемы компьютерного терроризма. Во всяком случае Вероника очень на это надеялась.

Точно к оговоренному сроку она подъехала в телецентр, но вопреки ожиданию восседающие за стойкой вестибюля охранники внутрь ее не пустили, объявив, что пропуск на ее имя никто не заказывал. Разозлившись на Астахова за его забывчивость, Вероника снова набрала его номер.

– А, это ты, Ничка, уже подъехала? – как ни в чем не бывало ответил тот. – Ну, подожди минуту, я сейчас спущусь.

Ждать пришлось не минуту, а добрых полчаса, пока, наконец, звезда телеканала Максим Астахов не соизволил выйти к ней. Он издалека окинул критическим взглядом ожидающую

его девушку и, видимо, остался доволен результатом осмотра, потому что, подойдя ближе, по-хозяйски обнял Веронику за плечи и чмокнул ее в щеку.

– Привет, Ничка. Клево выглядишь.

От такого проявления чувств какая-нибудь из многочисленных поклонниц Астахова наверняка завизжала бы от восторга. Веронике же захотелось сбросить его руку со своих плеч, оттолкнуть Астахова, развернуться и уйти, чтобы больше никогда его не видеть, но вместо этого приходилось улыбаться и терпеть.

– Ты тоже, – произнесла она в ответ, продемонстрировав ему ряд ровных жемчужных зубов.

– Ну что, куда двинем? – поинтересовался он, тесня девушку к выходу. – Ты не голодна? А я, знаешь, чертовски жрать хочу. Поехали, тут неподалеку есть один клевый барчик.

– А как же интервью? – растерялась Вероника. – Ты же обещал поговорить.

– Ну, так там и поговорим. Давай, Ничка, двигай. Шевели ножками.

Пришлось подчиниться. Увлекаемая Астаховым Вероника вышла во внутренний двор, заставленный по периметру автомобилями. Астахов подвел ее к серебристому внедорожнику «БМВ Х5» и, сняв машину с сигнализации, проворно забрался за руль.

– Ну а ты что встала? Давай ныряй, – скомандовал он застывшей возле машины девушке и кивком головы указал на соседнее сиденье.

Вежливость и элементарная предупредительность всегда были чужды Астахову. Проглотив очередную обиду, Вероника обошла машину, сама открыла дверь и уселась на пассажирское сиденье.

Внутри комфортабельный баварский внедорожник выглядел даже шикарнее, чем снаружи. Кожаный салон, удобные эргономичные сиденья, многофункциональная приборная панель с многочисленными кнопками управления и мерцающим голубоватым светом индикатором встроенного проигрывателя компакт-дисков. «Осталось только поменять прокладку между рулем и сиденьем», – вспомнила Вероника и улыбнулась старой водительской шутке.

Астахов расценил ее улыбку по-своему.

– Клевая тачка, – включив зажигание, заметил он. – Я ее в прошлом году взял, а все как новая. Музончик послушаем? Ты какой предпочитаешь?

Не дожидаясь ответа девушки, он ткнул пальцем в панель управления проигрывателя компакт-дисков. По ушам сейчас же ударили рваные ритмы зарубежного диско. Вероника поморщилась. Разговаривать в таком грохоте было совершенно невозможно. Но Астахов, похоже, и не собирался этого делать. Дергая головой в такт музыке, он лихо выехал со стоянки и погнал вперед по освещаемой мощными фарами дороге. Зачем нужно было так нестись, Вероника не поняла, потому что буквально через пару минут Астахов затормозил возле горячей неоновой вывески «Пивная рапсодия».

– Здесь и перекусим, – объявил он.

Не надеясь, что ее спутник снизойдет до того, чтобы подать ей руку, Вероника самостоятельно выбралась из машины и вслед за Астаховым направилась к бару.

Его здесь знали. Как только они вошли в зал, к Астахову мгновенно подскочила разбитная официантка в ярком переднике.

– Максим Леонидович, добрый вечер, – прошептала она, заискивающе улыбаясь. – Вы вдвоем? Желаете перекусить?

Официантка повернулась к Веронике, и под ее слащавой улыбкой отчетливо проступило выражение откровенной зависти. Астахов этого не заметил, а скорее просто не обратил внимания.

– Точно, Катя. Подыщи нам какое-нибудь тихое местечко.

– Понимаю, – Катерина вновь улыбнулась и, плавно покачивая широкими бедрами, направилась в глубь зала.

Практически все места в баре были заняты, но вдоль стены располагались четыре столика, отделенные друг от друга и от остальной части зала декоративными деревянными перегородками. За одним из них расположились трое дородных мужчин. Три других оставались свободными. Как поняла Вероника, их держали для привилегированных гостей, к числу которых, безусловно, относился и Максим Астахов. Усевшись за столик, он отодвинул протянутое официанткой меню, по памяти привычно сделал заказ и, когда та удалилась, повернулся к Веронике.

– Значит, говоришь в «Новостях» не удалось закрепиться. А чего так?

– Да... – Вероника презрительно скривилась. – Интриги.

– А ты, Ничка, чего хотела? – усмехнулся Астахов. – Так устроен мир. Ты же толковая девчонка. Я это сразу заметил. Опять же внешность. Все при тебе. Но с твоими принципами карьеру не сделать. Если хочешь в этой жизни чего-то добиться, надо быть гибче.

– В постели? – холодно прищурилась Вероника.

Когда два года назад под легендой студентки факультета журналистики МГУ она проходила свою первую оперативную стажировку в съемочной бригаде программы «Актуальная тема», Астахов не развивал перед ней свою теорию карьерного успеха, а просто и без затей предложил ей переспать с ним. Как она потом узнала от коллег по съемочной бригаде, подобных предложений со стороны Астахова не избежала ни одна смазливая практикантка. Судя по всему, прежде он не получал отказа, потому что ее твердое «нет» немало удивило его. Удивило, но не смутило. Не смутился он и сейчас.

– И в том числе. Это правило, Ничка, не знает исключений. Так что, если ты готова пересмотреть свою прежнюю позицию, могу взять тебя к себе в команду по старой дружбе.

Вероника покачала головой.

– Боюсь, твоя секретарша будет против.

– Жанна? Ты что, с ней разговаривала? Не обращай внимания. Ревнует меня ко всем. Надоела, – Астахов презрительно махнул рукой. – Давно пора менять.

К столику вернулась официантка, принеся заказ: два бокала светлого «Гессера» и большое блюдо обжаренных на гриле гигантских креветок, в центре которого располагалась розетка с острым соусом, но Астахов даже не подумал прерваться или хотя бы сбавить тон. Лишь когда официантка спросила у него:

– Максим Леонидович, шашлык когда подавать? – он обратил на нее внимание.

– Потом. Я скажу, – отмахнулся от нее Астахов и снова обернулся к Веронике. – Ну, так как, хочешь у меня работать?

Вопрос был задан таким тоном, словно речь шла о предложении возглавить один из ведущих мировых телевизионных каналов. Но Вероника отказалась даже от «столь лестного» предложения:

– Спасибо, Максим, но я рассчитываю добиться признания не «гибкостью», а своей работой, в том числе и по теме, которую мне поручил редактор.

– Как знаешь, – Астахов пожал плечами, сделал крупный глоток из бокала и смачно зажевал хрустящей креветкой. – А что хоть за тема?

– Компьютерный терроризм.

– Ничего себе! – Астахов явно был поражен. – Вот уж не ожидал, что тебе поручат такую тему.

– Думаешь, не потяну? – прищурилась Вероника.

– Да нет, почему. Ты девчонка толковая. Занудная, правда, до ужаса... Ладно, не обижайся, – пошел на попятную Астахов, заметив, как вспыхнули глаза его собеседницы. – А тема, правда, интересная. Особенно сейчас, когда ФБР по всему миру ищет хакеров, обрушивших авиадиспетчерскую службу во время терактов 11 сентября.

Вероника напряглась. Это было то, ради чего стоило терпеть хамство и откровенное издевательство Астахова. Но откуда он знает то, что неизвестно ей, старшему лейтенанту внешней разведки.

– Ты это точно знаешь? – стараясь не выдать голосом своего волнения, спросила она.

– Про хакеров? – Астахов высокомерно усмехнулся. – Сведения надежные.

Вероника мысленно укорила себя за несдержанность. Судя по его реакции, ей так и не удалось скрыть своего волнения. Но отступить было уже нельзя. Оставалось надеяться на помощь «коллеги по ремеслу», правда, Вероника не помнила случая, чтобы Максим Астахов помог кому-нибудь бескорыстно.

– Но откуда у тебя эти сведения?

Вместо ответа Астахов только поцокал языком.

– Я, Ничка, не выдаю свои источники информации. Вот побегай, поработай ножками и еще кое-чем, – хохотнул он. – Может, тогда и у тебя свои источники появятся.

Вероника сделала вид, что пропустила мимо ушей его пошлый каламбур.

– Подскажи хоть, где искать такие источники? И вообще, к кому по этой теме можно обратиться?

– Для начала загляни в Интернет. Там полно всяких форумов, где разные ученые умники и прочие чудики о чем только не высказываются. Наверняка найдешь, что тебя интересует. Так что дерзай, Ничка. Мне даже самому интересно, что у тебя получится. Когда соберешь материалчик для своей статьи, звякни я, так и быть, прорецензирую по старой памяти.

– Спасибо, – гордо улыбнулась Вероника. – Но проанализировать материал я могу и сама.

Она поняла, что от Астахова больше ничего не добиться, и решительно поднялась из-за стола.

– Куда это ты? – удивился он.

– Побегу собирать материал по твоему совету. Спасибо за ужин.

Вероника развернулась и гордо направилась к выходу.

– Обиделась?! Ну и зря! Журналист не должен обижаться! – крикнул ей в спину Астахов. – Учишь тебя, учишь, да все без толку, – раздраженно пробормотал он и снова взялся за пиво.

Но его последнюю фразу Вероника уже не услышала.

* * *

Подъезжая к Академии ФСБ – огромному зданию из красного кирпича, занимающему целый квартал, Егоров почувствовал, как на него накатывает волна ностальгии. Здесь прошли интереснейшие и бесспорно самые богатые впечатлениями пять лет его юношеской жизни, и отсюда он двадцать лет назад вышел молодым лейтенантом, сверкая новенькими золотыми погонами.

В действительности учебный центр ФСБ состоял из нескольких корпусов, соединенных многочисленными переходами, но за общим фасадом непосвященному человеку они казались единым зданием. Корпус, где располагался технический институт, отличался от остальных отсутствием наружных окон. Все его окна выходили во внутренний двор учебного центра, превращенного в плац, где проводились строевые смотры и проходил ежегодный торжественный парад выпускников. Фасад корпуса технического института представлял собой сплошную голую стену, в разное время породившую у обывателей немало слухов то об особорежимной тюрьме, предназначенной для содержания особо опасных государственных преступников, то о специальном полигоне, служащем для испытаний сверхсекретных образцов оружия.

Проехав вдоль фасада, Егоров свернул на отведенную под автостоянку площадку напротив главного входа. Прежде здесь ставили свои машины исключительно одни преподаватели.

Да и то, несмотря на более высокие, чем у коллег из гражданских вузов зарплаты, тех, кто имел собственный автомобиль, было не так уж много. Их «Москвичи», «копейки», «тройки», «шестерки» занимали всего один ряд, а большая часть автостоянки пустовала. Сейчас число машин на стоянке заметно прибавилось, причем отечественные автомобили среди иномарок составляли явное меньшинство. Правда, как определил Егоров, большинство иномарок были далеко не новыми – приобретенный у перегонщиков европейский секонд-хенд.

Поставив свою «Шкоду» возле припорошенного снегом «Опеля», Егоров направился к центральному подъезду. Оттуда как раз вывалила дружная компания слушателей в курсантской форме. Шумно переговариваясь между собой, молодые парни двинулись к автобусной остановке. Егоров замедлил шаг, с интересом разглядывая своих будущих коллег, но те прошли мимо, даже не взглянув в его сторону. К своему удивлению, Егоров ощутил нечто похожее на разочарование, но тут же улыбнулся сам себе. Судя по лицам ребят, в канун Нового года их мысли занимали куда более приятные вещи, чем учеба и тем более будущая служба.

Внутренний интерьер центрального вестибюля практически не изменился: стены по-прежнему украшали барельефы Государственного герба и эмблемы ФСБ, неизменный часовой из числа нынешних слушателей академии все так же стоял в почетном карауле возле знамени, только пожелтевшие и стершиеся от времени мраморные плиты на полу заменили новыми. Егоров предъявил дежурящему на входе прапорщику свое служебное удостоверение и, уточнив у него, где находится технический институт, отправился туда. Он без труда нашел нужный корпус, но попасть внутрь оказалось непросто. Дежурный прапорщик, проверяющий документы у всех входящих, взглянув на служебное удостоверение Егорова, заявил, что по такому документу не может его пропустить, и Егорову пришлось с КПП звонить директору института. К счастью, тот оказался на месте и после того, как Егоров объяснил ему цель своего визита, отдал дежурному распоряжение пропустить его.

Технический институт удивил Егорова обилием перегораживающих коридоры стеклянных дверей с предупредительными надписями «СК №... проход запрещен». Встретив первую такую надпись, Егоров поднялся на этаж выше, но и там вскоре наткнулся на аналогичную запрещающую надпись. Проигнорировав предупреждение, он попытался открыть дверь, но она оказалась заперта на замок, открываемый специальным магнитным ключом. К счастью, мимо проходил один из слушателей, который и объяснил Егорову, что аббревиатура СК расшифровывается, как специальная кафедра, а интересующая его кафедра защиты информации – это СК №7, которая находится на третьем этаже. Поблагодарив паренька за подсказку, Егоров поднялся на третий этаж и, отыскав там нужную дверь, настойчиво позвонил в звонок. Прошло не менее трех минут, пока из ближайшего кабинета не вышел молодой капитан и с явной неохотой направился к двери. Когда он все-таки открыл ее, вид у него был такой, словно Егоров своим звонком оторвал его от чрезвычайно важного дела.

– К доценту Трусову? – поинтересовался капитан, даже не взглянув на служебное удостоверение Егорова, которое тот попытался ему показать. – Тридцать восьмой кабинет, в конце коридора.

Тридцать восьмой кабинет отличался от остальных железной дверью и единственной фамилией на привинченной к двери табличке. Доцент Трусов определенно пользовался привилегиями, в то время как большинство сотрудников кафедры делили кабинеты с одним или несколькими своими коллегами. Как Егоров и предположил, кабинет оказался заперт, и ему пришлось снова позвонить в специально выведенный наружу звонок. Но на этот раз ждать пришлось гораздо меньше. Дверь почти сразу открылась, и Егоров увидел перед собой еще довольно молодого мужчину в форме, если не считать отсутствия погон на его армейской рубашке.

– Вы ко мне? – спросил он, удивленно уставившись на Егорова.

– Александр Витальевич? – на всякий случай уточнил Егоров и, после того как Трусов утвердительно кивнул, протянул доценту руку. – Егоров Андрей Геннадьевич из управления по борьбе с терроризмом. Уделите мне несколько минут?

– Из управления по борьбе с терроризмом?! – еще больше удивился Трусов. – Очень любопытно. Проходите.

С неменьшим любопытством Егоров переступил порог незнакомого кабинета, но ничего особенного или необычного для себя там не обнаружил. Два стола – компьютерный и письменный, с подвешенными над ними книжными полками, средних размеров сейф, вращающееся офисное кресло да несколько стульев составляли всю обстановку кабинета. На зацепленных за край сейфа плечиках висел подполковничий китель хозяина кабинета, на столах стояли два персональных компьютера: один с плазменным, другой с электронно-лучевым монитором, а на одной из книжных полок, потеснив книги, расположились электронный осциллограф и еще какой-то незнакомый Егорову небольшой прибор.

– Слушаю вас?

Егоров повернулся к Трусову, который присел на край своего письменного стола. Глядя на сидящего на краю стола доцента, Егоров невольно вспомнил Веронику Богданову, которая несколько дней назад точно так же расположилась в его собственном кабинете.

– Хотел бы проконсультироваться у вас, Александр Витальевич, по одному известному вам вопросу... – начал Егоров.

– Значит, вас интересуют возможности информационного оружия? – подвел итог Трусов, выслушав его.

– Скорее, угроза, которую оно может представлять, оказавшись в руках террористов, – уточнил Егоров.

– Что ж, угроза вполне реальна, – доцент утвердительно кивнул, при этом на его лице возникла непонятная Егорову ироничная усмешка. – С помощью информационного оружия и различного рода хакерских атак действительно можно воздействовать на информационные системы, в первую очередь на Интернет, препятствуя их нормальной работе и даже разрушая целые массивы данных, но лишь на ограниченное, как правило, весьма непродолжительное время. Получение же некой абстрактной группой хакеров полного контроля над информационной системой, тем паче государственной системой управления, представляется мне совершенно нереальным. В первую очередь из-за того, что хакерам, ставящим перед собой такую задачу, пришлось бы столкнуться с необходимостью преодоления не только компьютерных механизмов безопасности. Что, удивил я вас? – закончил Трусов, с усмешкой глядя на своего гостя.

– Признаться, да, – Егоров покачал головой. – А на чем основана ваша убежденность?

– На опыте предыдущих кибератак и материалах зарубежных исследований, – уверенно заявил Трусов. – В США даже проводились специальные учения под кодовым названием «Цифровой Перл-Харбор». Во время этих учений группа экспертов симитировала широкомасштабную информационную атаку на национальную сетевую инфраструктуру США. Им удалось вывести из строя ряд систем связи в отдельных районах страны, но уже в течение нескольких часов вся связь была полностью восстановлена. У нас таких экспериментов не проводилось, но из-за куда меньшей информатизации наших систем связи результат оказался бы еще менее заметным.

Егоров на несколько секунд задумался.

– Ну, а каков может быть ущерб, если компьютерным террористам все же удастся повредить работе информационной системы?

– Если вести речь о материальном исчислении такого ущерба, то в зависимости от загруженности поврежденной информационной сети он может составить до нескольких десятков

или даже нескольких сотен миллионов долларов. Но в любом случае такой ущерб нельзя назвать катастрофическим, потому что сами пользователи сети при этом не пострадают.

– Понятно, – Егоров снова кивнул. – Хотя, признаться, я не ожидал услышать такое.

Трусов от души рассмеялся.

– Наверное, думали, что я буду пугать вас страшилками о грядущем компьютерном апокалипсисе. В таком случае извините, что не оправдал надежд. Просто я ученый, а не досужий журналист, который ради рейтингов и собственной популярности готов раздуть любую сенсацию. А как ученый, занимающийся интересующей вас проблемой, я повторяю, что компьютерный терроризм представляет угрозу в первую очередь для циркулирующей в сетях информации.

– Что ж, спасибо за исчерпывающий ответ.

Трусов на секунду задержал руку Егорова в своей ладони.

– А скажите, Андрей Геннадьевич, почему вы обратились именно ко мне? Или это секрет?

– Отчего же, – Егоров широко улыбнулся. – Мне посоветовал обратиться к вам ваш недавний ученик Игорь Колесников.

– Игорь?! – Трусов изумленно вскинул брови. – Вот уж никак не ожидал. Кто бы мог подумать. Где он сейчас служит?

В глазах доцента Егоров прочитал живой интерес.

– В информационном центре.

– Да-да, – Трусов задумчиво покачал головой. – Он же получил распределение в центральный аппарат. Толковый парень. – Взглянув в глаза Егорову, он доверительно заметил: – Мы ведь хотели его в аспирантуре у нас на кафедре оставить. Жаль, не получилось. Мозги у парня что надо и интуиция отменная. Вы ему при случае привет передайте, скажите, чтобы заглядывал, не забывал альма-матер.

– Передам, – Егоров утвердительно кивнул. – Спасибо за консультацию, Александр Витальевич.

– Пустое. – Трусов снисходительно махнул рукой. – Всегда рад оказать практическую помощь.

Именно этот жест куда в большей степени, чем все предыдущие слова доцента, убедил Егорова, что опасность компьютерного терроризма сильно преувеличена.

Глава 4

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Из окна внедорожника, с трудом пробирающегося через снежные завалы на горной дороге, постройки некогда популярной горнолыжной базы казались погребенными под снегом развалинами. Во времена СССР сюда на выходные, а то и на целую неделю, взятую в счет отпуска, съезжались поодиночке, с семьей или целыми компаниями любители горных лыж и прочие приверженцы активного отдыха. К их услугам был пункт проката лыжного снаряжения, незатейливый подъемник и несколько спусков разной сложности, на которых можно было кататься в свое удовольствие. На базе работали несколько инструкторов, обучающих всех желающих азам техники скоростного спуска и следящих за состоянием горнолыжных трасс. Но все это осталось в далеком прошлом. Жители переживающей не лучшие времена бывшей советской республики утратили интерес к горнолыжным забавам, озабоченные более насущными проблемами. А любители такого рода отдыха из России, напуганные непрекращающейся на Северном Кавказе войной, переключились на отечественные или западноевропейские горнолыжные курорты.

Сидя на заднем сиденье полноприводного «Ниссана», Омар брезгливо разглядывал из окна внедорожника убогие одноэтажные строения да торчащие поржавевшие опоры бывшей канатной дороги. Окончательно пришедшая в запустение горнолыжная база должна была прекратить свое существование, однако этого не произошло. Правда, ее нынешние обитатели одним своим видом привели бы в ужас любого туриста, но туристы не появлялись в окрестностях базы уже как минимум лет десять. Пользуясь близостью к границе России или непризнанной ни одним государством Ичкерии-Чечне, воюющие на Северном Кавказе боевики превратили бывшую горнолыжную базу в свой перевалочный лагерь. Отсюда отправлялись в Россию новые группы боевиков, сформированные из завербованных на Ближнем Востоке и в Центральной Азии добровольцев. Здесь делали последнюю остановку многочисленные курьеры, везущие в Чечню и другие северокавказские республики деньги и указания от зарубежных спонсоров джихада. Сюда лидеры боевиков старались увести свои преследуемые федеральными силами отряды, спасая их от окончательного разгрома. Омар прибыл сюда для встречи с человеком, выбранным Абу Умаром из числа воюющих на Кавказе преданных ему полевых командиров.

Внедорожник остановился напротив похожего на барак приземистого одноэтажного строения с двускатной крышей. Водителю не терпелось как можно быстрее уехать из опасного места, но расположившийся на заднем сиденье пассажир не спешил выходить, а двое бородатых мужчин в камуфляже, разгребавшие лопатами снег у крыльца, бросив работу, уже настороженно косились в их сторону. Один из них что-то сказал и скрылся в доме. Через минуту он вышел обратно в сопровождении маленького кривонного человека в наброшенном на плечи ватнике и плотного широкоплечего мужчины в перепоясанном португеей камуфляже с висящим под мышкой израильским пистолетом-пулеметом. При виде вооруженного мужчины водитель закашлялся. К счастью, вооруженный человек остался на крыльце, зато его кривоногий спутник в ватнике стремглав бросился к машине. Распахнув заднюю дверь, он почтительно поклонился пассажиру:

– С приездом.

Омар молча сунул в руки ему одну из своих туго набитых спортивных сумок, вторую взял сам и, не сказав водителю ни слова, выбрался из машины. «Ниссан» поспешно развернулся на расчищенном от снега пятачке и на предельной скорости помчался обратно, насколько это позволяла занесенная снегом дорога.

Омар сразу почувствовал себя неуютно. Кто знает, что придет в голову этим бородатым дикарям, хмуро пялящимся на него. Правда, в сумке лежит спутниковый телефон, позволяющий решать любые проблемы. Во всяком случае по звонку отца его встретили в тбилисском аэропорту, отвезли в приграничный город и дали машину с водителем, чтобы он смог добраться сюда. Но в отличие от этих дикарей, те, кто его встречал, хотя бы выглядели цивилизованно. В фирменном зимнем спортивном костюме – утепленной многослойной куртке, сохраняющей тепло даже при шквальном ветре, и таких же брюках на лямках-помочах Омар разительно отличался от окруживших его бородатых мужчин в затасканном камуфляже и сальных свитерах. Сейчас он пожалел, что, отправляясь сюда, отказался от предложенного встретившими его людьми пистолета. Впрочем, даже два пистолета не защитят его от этих дикарей, если они внезапно вздумают напасть. Одна надежда, что они устроят гнева шейха Абу Умара. В противном случае решение приехать сюда было чистой авантюрой.

Пока Омар настороженно озирался вокруг, вышедший из дома широкоплечий бородач с израильским «Узи» подмышкой спустился с крыльца и, подойдя к нему, уважительно произнес по-арабски:

– Я и мои братья приветствуем посланца святейшего шейха. – Он приложил к груди широкую ладонь с короткими узловатыми пальцами, заканчивающимися почерневшими от пороховой гари и копоты ногтями, и добавил: – Я Джафар.

Мог и не представляться. Омар сразу узнал широкое лицо с выступающей вперед тяжелой нижней челюстью и такими же массивными надбровными дугами. Отец показал ему фотографию этого человека. Правда, отец говорил, что Джафару тридцать пять. В реальности же он выглядел как минимум на десять лет старше. По словам отца, Джафар родился в Южном Йемене. С четырнадцати лет принял участие в гражданской войне, где на него и обратил внимание Абу Умар, направив в один из ближневосточных лагерей по подготовке моджахедов. С тех пор Джафар уже не выпускал из рук оружия. Война стала для него основным и единственным занятием, так как ничего другого он не знал и не хотел. Он воевал с шурави в Афганистане, а после вывода из Афганистана советских войск – в соседних Узбекистане и Таджикистане в рядах противников промосковских режимов. Там он более-менее сносно выучил русский язык. В конце 90-х огнем джихада вспыхнул российский Кавказ, и Абу Умар направил Джафара туда. Помимо лютой ненависти к гяурам и их сторонникам Джафар отличался преданностью своему хозяину, за что Абу Умар и выбрал его для предстоящей акции. Что лежало в основе преданности Джафара – деньги, которыми его щедро снабжал Абу Умар на продолжение священной войны, или обещание сделать его руководителем сети «Аль-Каиды» на всем Северном Кавказе, для Омара значения не имело. Главное, что в телефонном разговоре с ним Джафар согласился принять участие в столь важной для отца акции и подобрать необходимых для нее людей.

– Где мы можем поговорить? – сурово спросил он, обращаясь к Джафару. Чтобы этот свирепый дикарь сразу уяснил себе, кто здесь старший.

– Пройдем в дом, – Джафар отступил в сторону и грозно прикрикнул на кривоногого носильщика, тащившего сумку Омара: – Проводи нашего гостя!

Спустя несколько минут Омар сидел в полутемной комнате за грубым, сколоченным из досок столом напротив Джафара, а между ними стояло блюдо с холодной отварной бараниной и несколько мисок поменьше с разложенными в них консервированными овощами. Кривоногий человек, не то хозяин высокогорной базы, не то слуга Джафара – Омар так и не понял, кто он такой, – накрыв на стол, сейчас же удалился.

Омар откусил кусок холодного мяса и, отправив в рот зубчик маринованного чеснока, старательно прожевал. После того, как Джафар прикасался к мясу и рылся в чесноке своими грязными руками, которые он, садясь за стол, даже не удосужился вымыть, Омар испытывал к еде отвращение. Но не есть – значит оскорбить хозяина. К тому же переезд из города сюда занял много времени, и он успел изрядно проголодаться.

– Как чувствует себя святейший шейх? – спросил Джафар, пристально глядя на жующего гостя. Когда он произносил слова, его рот почти не открывался, лишь изгибающиеся губы обнажали желтые прокуренные зубы. Создавалось впечатление, что Джафару трудно говорить. В действительности так и было. И выступающая вперед челюсть, и затрудненная речь являлись следствием давнего осколочного ранения. Кроме этого, от ранения у Джафара остался зарубцевавшийся шрам под подбородком, скрытый бородой.

Омар на время перестал жевать. Что это: простое любопытство, или слухи о пошатнувшемся положении Абу Умара дошли и до его верного пса?

– Шейх в добром здравии, – стараясь, чтобы его голос звучал твердо, ответил Омар. – У него все такой же острый ум и твердая рука.

– Слава Аллаху, – все тем же замогильным голосом сказал Джафар традиционную фразу и вопросительно уставился на собеседника.

Омар понял, что пора переходить к делу.

– Шейх поручил мне подготовить ответственную операцию в Москве. Эта операция настолько важна, что ее проведение он доверяет только тебе. И еще, – Омар понизил голос. – Шейх велел передать, что от успеха этой операции зависит очень многое. В том числе и твое место в нашем движении.

Джафар прикрыл глаза, что, очевидно, означало у него знак согласия.

– Что за операция?

– Нам предстоит найти в Москве одного человека.

– Что за человек?

– Дипломат. Сотрудник американского посольства. Он обладает чрезвычайно важной информацией. Нам нужно получить ее от него. Шейх сказал, что у тебя есть в Москве надежные люди?

Джафар снова прикрыл глаза.

– Люди есть, но они никогда не воевали, и я не знаю, как они поведут себя в ответственный момент. Для серьезного дела они не годятся. Я возьму бойцов из своего отряда, надежных и проверенных в боях.

Омар представил, что вместе с ним в Москву отправятся несколько звероподобных дикарей, вроде тех, что он видел у крыльца, и содрогнулся. Впрочем, их вожак, сидящий сейчас напротив него, выглядит еще более отвратительно.

– Хорошо, – Омар неохотно кивнул. – Отбери трех-четыре человек, которые знают русский язык и... – «не так уродливы», – хотел закончить он, но вовремя проглотил окончание фразы. – Как отсюда можно добраться до Москвы?

– Можно через перевал, по ущелью, перейти границу, – Джафар поднял руку и чертил в воздухе указательным пальцем замысловатые линии. – А дальше на машине или автобусе в Москву. Или можно поездом сразу из Тбилиси. Так быстрее и надежнее, но дороже.

– Едем поездом, – заключил Омар. Перед отъездом надо привести Джафара и его дикарей в человеческий вид, а в грузинской столице, по крайней мере, есть парикмахерские и косметические салоны. – Цена не имеет значения.

Джафар холодно усмехнулся. Глубоко спрятанные под надбровными дугами глаза алчно блеснули. Для воюющего за деньги наемника только это и имеет значение.

– Когда выезжаем? – спросил он, еще раз обнажив в усмешке прокуренные зубы.

* * *

Вагоны СВ находились в голове состава, поэтому Омар не стал сразу выходить на перрон, чтобы не толкаться там в ожидании Джафара и его боевиков, которые ехали в хвосте поезда, в плацкартных вагонах.

Для московской операции Джафар отобрал трех моджахедов из своего отряда. Все трое по виду были настоящими головорезами, а свирепостью лиц не отличались от Джафара. Омара так и подмывало спросить у него, где он нашел таких зверей. Но Джафар не стал распространяться на этот счет.

– Волк, Змей и Клюв, – коротко представил он Омару своих людей.

Волк и Клюв оказались примерно одного роста с Джафаром, такие же широкоплечие и мускулистые и даже внешне похожи друг на друга. Только у Волка на лице выделялись острые скулы, а у Клюва – перебитый крючковатый нос, за который он, очевидно, и получил свое прозвище. Змей был выше остальных по крайней мере на полголовы. Ростом и комплекцией он не уступал отборным телохранителям из личной охраны Абу Умара, а со своей многодневной щетиной, густо покрывающей его щеки и длинную мускулистую шею, выглядел еще более устрашающе. Все трое боевиков свободно изъяснялись по-русски. Омар лично проверил у каждого знание языка и решил, что с этой стороны у людей Джафара не возникнет проблем. Оставалось решить вопрос с переправкой всей группы в Москву. Джафар взял это на себя и в первый же день по приезде в Тбилиси принес пять грузинских загранпаспортов. Изучив паспорт с собственной фотографией, Омар не мог не признать, что он выполнен вполне профессионально. На что Джафар с усмешкой ответил, что паспорт подлинный и получен от надежного человека в грузинском ОВИРе. Судя по всему, так и было, потому что при пересечении грузино-российской границы ни у кого не возникло проблем. Лейтенант-пограничник, заглянувший в купе Омара, не обнаружил в его паспорте ничего подозрительного. Куда больше неприятностей доставил пограничный пес, пущенный затем в купе. Но среди вещей Омара не было ни взрывчатки, ни наркотиков, ни других запрещенных к провозу предметов, поэтому, покрутившись в тесном купе и оставив на брюках Омара влажный след своих слюней, пес выскочил обратно в коридор. Удовлетворившись такой проверкой, лейтенант шлепнул в паспорт Омара въездной штамп и вместе с кинологом перешел к следующему купе. Так же легко прошли пограничный контроль Змей, Волк и Клюв. Лишь Джафар вызвал подозрения у пограничников.

Перед отъездом Омар отправил Джафара и его боевиков в косметический салон. Джафар провел в салоне почти три часа, где его тщательно постригли, почистили кожу на лице и привели в порядок ногти. Но при всем старании косметологи не могли изменить дикое выражение его лица. К тому же после того, как Джафар, опять же по настоянию Омара, сбрил бороду, у него под подбородком открылся уродливый шрам, тоже не добавляющий Джафару обаяния. Российские пограничники просто не могли не обратить внимания на пассажира со столь специфической внешностью.

– Куда едешь? – спросил у него старший пограничного наряда, пока его подчиненный перетряхивал тощую спортивную сумку Джафара.

– В Москву, – промямлил в ответ Джафар.

Он сидел на нижней полке, опустив на пол обутые в дешевые шлепанцы ноги. Разговаривая с пограничниками, он старательно опускал взгляд, из-за чего его лицо приняло вовсе дегенеративное выражение.

В Москву! Старший пограннаряда презрительно скривился, разглядывая сидящего перед ним неряшливо одетого человека с тупыми бессмысленными глазами. Мало там таких дебилов!

– А что делать собираешься?

– Работать, – изобразив, что удивлен вопросом, ответил Джафар. – Брат подрядился в Подмоскovie коттеджи строить. Он уже полгода в Москве. Говорит, можно хорошо зарабатывать. А у нас работы совсем нет. Вот я и решил к брату податься.

Пограничный офицер хмыкнул. Сначала развалили страну, а теперь подались в Москву.

– А это что? – Он ткнул пальцем в заклеенный пластырем шрам на шее Джафара.

Джафар отшатнулся, прикрыв лейкопластырь рукой.

– Чирей выскочил. Никак залечить не могу.

– Ничего нет, товарищ старший лейтенант, – объявил старшему наряда пограничник, осматривавший сумку Джафара.

Старлей неохотно кивнул. Его бы воля, он бы ссадил этого урода с поезда и отправил обратно. Но урод не везет с собой ничего запрещенного, у него чистый паспорт. И хотя его рожей можно пугать в темном переулке прохожих, это не основание, чтобы запрещать ему въезд в страну. Тем более что таких, как он, здесь полвагона, а значит, и полпоезда.

– По приезде в Москву сразу зарегистрируйся, – напоследок строго предупредил старлей подозрительного пассажира.

Джафар согласно кивнул, но, когда пограничник повернулся спиной, метнул в него злобный, полный ненависти взгляд. Почувствовав кожей заряд отрицательной энергии, старший лейтенант стремительно обернулся, но пустые глаза вызывавшего откровенную неприязнь пассажира уже смотрели в сторону. Не сказав больше ни слова, старший пограннаряда вышел в коридор.

Омар этих подробностей не знал. Да они его и не особенно интересовали. Его заботило только успешное пересечение границы Джафаром и его людьми, в чем он убедился в Краснодаре, когда, выйдя на перрон во время получасовой остановки, увидел там Джафара и одного из его бойцов. Джафар тоже разглядел среди вышедших проветриться, купить газет или пива пассажиров посланца шейха и, пройдя мимо Омара, произнес, глядя в сторону:

– Все в порядке.

Позже Омар еще несколько раз выходил на перрон на крупных станциях: однажды увидел курящего на платформе Клюва, в другой раз разглядел за стеклом вагона промелькнувшую фигуру Змея, но с Джафаром больше не встретился. Очевидно, тот не выходил из вагона.

Вышедший из Грузии полупустой поезд после пересечения границы постепенно заполнялся пассажирами, но в двухместное купе Омара так никто и не подсел, и он ехал до Москвы в гордом одиночестве. По прибытии на Курский вокзал он неторопливо собрался, подхватил кожаный чемодан и с немногочисленными пассажирами вагона СВ вышел на перрон. Практически всех, кто ехал в спальном вагоне, встречали деловые партнеры, расторопные референты или пронырливые водители. Приняв у хозяина его багаж, они спешили на привокзальную площадь к ожидающей там машине, на ходу рассказывая шефу последние новости. В течение минуты все пассажиры СВ разошлись, и Омар остался у вагона один. Поставив чемодан на платформу, он нетерпеливо вынул сигару и закурил. К счастью, ждать пришлось недолго. Со стороны хвоста поезда уже показалась приземистая фигура Джафара. Следом, на небольшом расстоянии, шли все три его боевика. Присмотревшись, Омар заметил, что Джафар идет не один. Рядом с ним шагал черноусый кавказец в распахнутой на груди меховой дубленой куртке. Очевидно, кто-то из связанных с Джафаром московских черкесов. Между собой они не общались, но Омар понял, что черкес показывает Джафару дорогу. Омар решил, что Джафар представит его провожатому или, по крайней мере, обозначит его главенствующую роль, но Джафар прошел мимо, даже не взглянув в его сторону. Чертыхнувшись про себя, Омар выбросил окурок сигары, сам поднял свой внушительный чемодан и угрюмо зашагал следом за ними.

Уверенно лавируя по вокзальным переходам, черкес вывел Джафара на привокзальную площадь и направился к стоящим рядом черному «Лэндкрузеру» и явно российскому грязно-бежевому автомобилю с надписью «Лада» на двери багажника.

– ...на квартиру я вас отвезу, потом машины ваши, – услышал Омар окончание последней фразы черкеса, подойдя к остановившимся возле машин Джафару и его спутнику.

– Район спокойный, – продолжал черкес. – Квартира оплачена на месяц вперед. Хозяева не любопытные, так что не сунутся. Еда, одежда и... – Он сделал секундную паузу. – Все остальное уже там.

– Спасибо, брат, – проникновенно сказал Джафар и даже изобразил на своем лице нечто похожее на благодарную улыбку.

Через час внедорожник и «Лада» подкатили к панельной девятиэтажке в спальном районе Москвы. Сидящий за рулем «Лэндкрузера» черкес указал взглядом на дом.

– Второй подъезд, пятьдесят третья квартира на пятом этаже.

Достав из автомобильного бардачка увесистую связку ключей, он протянул их Джафару.

– Тут два ключа от двери и один от подъезда. Разберетесь. Документы на джип, ключи от него...

Вслед за ключами от квартиры Джафар принял из рук водителя тонкую пачку документов и автомобильный ключ с брелком сигнализации. Быстро пробежав глазами свидетельство о регистрации и заполненный бланк доверенности, куда оставалось вписать имя нового пользователя транспортным средством, он засунул документы к себе во внутренний карман и удовлетворенно кивнул. На этот раз слов благодарности не последовало. Если черкес и оскорбился, то виду не подал. Распахнув дверь, он поспешно выпрыгнул из машины. Сидящий на заднем сиденье Омар усмехнулся. Он хорошо понимал черкеса. Ему и самому становилось не по себе под пристальным взглядом глубоко посаженных глаз Джафара.

Не дожидаясь, когда гости войдут в дом, черкес направился к стоящему неподалеку такому же черному, как «Лэндкрузер», «БМВ». Сообразив, что он сейчас уедет, Омар остановил его:

– Нам понадобятся мобильные телефоны для связи. По одному на каждого! – властно приказал он.

Черкес резко обернулся, но, встретившись с тяжелым требовательным взглядом Омара, кивнул.

– Вечером завезу.

Тем временем из подъехавшей «Лады» выбрались Змей, Волк и Клюв и в ожидании дальнейших указаний своего командира встали неподалеку. Джафар поставил внедорожник на сигнализацию и, махнув рукой боевикам, вместе с Омаром направился к дому.

Войдя в подъезд, Омар сразу почувствовал запах шерсти и гниющих пищевых отходов. Он удивился. В Штатах ему приходилось бывать в таких трущобах, где все стены были покрыты граффити, но в домах при этом не пахло отбросами. В кабине лифта к прежним запахам добавился застоявшийся запах мочи. Омар брезгливо поморщился и покосился на своих спутников, стоящих рядом с непроницаемыми лицами. Дикари – они и есть дикари. Привыкли в своем диком краю жить среди грязи и вони, вот и не замечают ее.

Джафар первым вышел из лифта, внимательно осмотрел лестничную клетку и только после этого подошел к нужной двери. Безошибочно выбрав из связки нужные ключи, он отпер дверные замки и вошел в квартиру. Омар зашел следом. И уже после него втиснулись боевики. Квартира оказалась однокомнатной и настолько убого обставленной, что, едва взглянув на нее, Омар сразу решил, что не останется здесь. Со своими деньгами он может снять себе отдельный номер в отеле европейского уровня, а Джафар пусть живет в этой конуре со своими головоре-зами. Заглянув на кухню, где стоял крохотный стол с двумя хлипкими табуретками и шкаф для посуды, Омар вернулся в единственную комнату, всю обстановку которой составляли раскладной диван с сиротливо приткнувшимся возле него одиноким стулом, сервант без стекол и громоздкая тумба, очевидно, в прошлом подставка под телевизор. Сейчас вместо телевизора на тумбе стояла заклеенная скотчем коробка из-под видеомагнитофона. Джафар подошел к ней и ногтем большого пальца, словно бритвой, разрезал клейкую ленту. Заглянув ему через плечо, Омар увидел в коробке ручную гранату и три пистолета: внушительного вида «стечкин» и два отличающихся исключительной пробивной способностью «ТТ». Там же лежали три запасных снаряженных магазина, по одному на каждый пистолет, и несколько бумажных пачек с патронами. Протянув руку, Омар достал из коробки один «ТТ», про который много слышал,

но еще ни разу не держал в руках. Пистолет не очень удобно сидел в руке, но, даже несмотря на это, Омар ощутил его грозную силу.

– Хорошее оружие, – признал он, разглядывая пистолет.

Джафар в ответ презрительно скривился.

– Китайский. Бой у него мощный, а вот кучность и надежность низкие. Почему и стоит вдвое дешевле российского. А вот это действительно хорошая машина, – Джафар достал из коробки и любовно погладил длинноствольный «стечкин». – В ближнем бою не хуже автомата.

– Если сработаем чисто, эти железки нам вообще не понадобятся, – сказал Омар, чтобы оставить за собой последнее слово, и бросил китайский «ТТ» обратно в коробку. – Ты продумал, как провести операцию?

Джафар кивнул.

– Думаю, нам нет необходимости придумывать сложный план. Мы дождемся, когда американец выедет из своего посольства, догоним и, когда представится возможность, возьмем его.

Омар на несколько секунд задумался. С этими дикарями вряд ли удастся осуществить сложную комбинацию. Но именно простое решение чаще всего оказывается самым эффективным. Правда, прежде нужно узнать, на какой машине ездит американский дипломат. Но это уже, как говорится, дело техники.

* * *

Путь от посольства до Таганской площади занял тридцать четыре минуты – с учетом постоянных пробок на Садовом кольце не так уж много. Заметив по часам время проезда, Филипп Уотерс – атташе США по культуре, он же резидент ЦРУ в Москве, взглянул в зеркало заднего вида, но выявить в столь плотном автомобильном потоке возможные машины российской контрразведки было практически невозможно. Уотерс не особенно переживал по этому поводу. У него не запланировано агентурных встреч, ему не нужно устраивать тайник или снимать заложенный агентом контейнер с информацией. Обычный рядовой выезд. Даже если сейчас за ним следят российские контрразведчики, им ни за что не догадаться об истинной цели его поездки.

Круто подрезав на своей «Камри» отъезжающий от остановки автобус, Уотерс перестроился в правый ряд. В родном Балтиморе он бы никогда так не поступил, но жизнь в Москве диктует свои правила, в том числе касающиеся техники вождения. Уотерс оказался в Москве благодаря Хироманту. Завербованный в начале 90-х агент в связи с новым назначением приобрел поистине уникальные разведвозможности, получив доступ к информации, которая прямым ходом шла на стол директору ЦРУ и зачастую служила основанием для его доклада президенту. Именно особая ценность Хироманта стала причиной командировки Уотерса в Москву – в Лэнгли справедливо считали, что для большей гарантии безопасности агента курировать его должен завербовавший Хироманта офицер. Вербуя Хироманта, Уотерсу не пришлось выстраивать сложные оперативные комбинации, чтобы склонить агента к сотрудничеству. Хиромант сам предложил свои услуги американской разведке. Однако Уотерс ставил себе в заслугу то, что разобрался в истинных мотивах инициативника и определил, что он не является подставой ФСБ. В результате Хиромант стал одним из самых ценных приобретений американской разведки на российском направлении, а фамилия Уотерса регулярно мелькала в направляемых директору ЦРУ отчетах русского отдела.

Сегодняшняя поездка тоже была связана с Хиромантом. По указанию Уотерса сотрудники резидентуры присмотрели в Москве несколько мест для контейнерной связи с агентом. Но окончательное решение в столь важном вопросе должен был принимать руководитель резидентуры, поэтому Уотерс отправился лично осмотреть выбранные его подчиненными места.

Одно из них находилось как раз в районе Таганской площади. Уотерс слегка притормозил, отыскивая указанный сотрудником резидентуры ориентир – торговый павильон, за которым следовало свернуть в переулок, и в этот момент круто вывернувшийся из второго ряда автомобилей – одна из тех российских малолитражек, у которых следует снимать номера только за один внешний вид, – приткнулся к тротуару, преградив дорогу. Уотерс едва успел нажать на тормоз, чудом избежав столкновения. Он не раз становился свидетелем откровенного нарушения правил московскими водителями, но последняя выходка русского хама поразила даже видавшего виды разведчика. Не сдержавшись, Уотерс смачно выругался и нетерпеливо засигналил подрезавшему его водителю. Но тот не торопился освобождать дорогу. То, что он перекрыл движение во всем ряду, его, похоже, нисколько не волновало. Рядом с «Тойотой» Уотерса остановился черный «Лэндкрузер» с такими же черными, как кузов, стеклами. Уотерс чертыхнулся. Еще не хватало попасть в автомобильную пробку. Он снова нажал на клаксон. Но это ни к чему не привело. Перегородившая дорогу российская малолитражка так и осталась стоять на месте, зато из распахнувшихся дверей «Лэндкрузера» сноровисто выпрыгнули два человека в одинаковых кожаных куртках и с характерными хмурыми лицами представителей криминальной среды. Уотерс связал их появление с загордившим проезд автомобилем, но, когда первый из мужчин внезапно рванул на себя водительскую дверь «Тойоты», понял свою ошибку. Посольская «Камри» была снабжена центральным замком, запирающимся в момент включения зажигания, поэтому автомобильная дверь не открылась, но это препятствие не остановило бандитов. Второй из них выдернул из кармана руку, и Уотерс увидел занесенный для удара кулак в кожаной перчатке, увенчанный шипами тяжелого кастета. Он инстинктивно отпрянул. В ту же секунду бандит ударил кастетом в стекло, которое разлетелось сверкающими брызгами. Не снимая кастета, бандит просунул руку в разбитое окно и, дернув за запорную ручку, распахнул дверь. Подобное могло происходить в какой-нибудь дикой африканской стране, но происходило в России, которая упорно добивается вхождения в Евросоюз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.